

Ссудный день

Автор:

Чак Паланик

Ссудный день

Чак Паланик

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Мы с ребятами тут покумекали и решили: будь что будет!

Хватит уже гнуть спину на всяких-разных мошенников – политиканов, продажных судей и журналюг без малейшего признака совести.

Хорошо, что нашлась добрая душа и просветила нас насчет всего этого человеческого хлама. «Книга Ссудного дня» – слышали о такой? Ничего, скоро услышите.

Вперед, завалим свиней!

Белым людям – белую Америку!

Чернокожим – черную!

Ну, и всяким квирам что-нибудь да обломится...

Чак Паланик

Ссудный день

«Помните, демократия никогда не длится долго. Она быстро растрачивается, истощается и убивает саму себя».

Джон Адамс

О таком вот честном парне до сих пор кто-нибудь да вспомнит. Славный малый, верный товарищ и брат. Заходит этот пай-мальчик, мамина радость, в участок по юго-восточному округу, воровато озирается по сторонам и что-то шепчет, прикрывая рот ладонью. Время позднее, к полуночи дело, а у пацана на пороге участка темные очки на носу. Натурально очки от солнца, капюшон толстовки натянут на лоб, глаза в пол. Типа ничейный Стиви Уандер, разве что пса и белой трости нет. И такой к дежурному сержанту: «Кто у вас тут главный? Я хочу сообщить о преступном замысле». Все шепотом, значит. А сержант ему: «Документики».

У пацана на башке бейсболка, козырек опущен до самых бровей, сверху капюшон – короче, наружу только нос и торчит. Толстовка на спине аж насквозь промокла. И вот, значит, этот кайфолом, этот активный гражданин трясет головой и говорит: «Я сообщаю анонимно. И не тут, не на людях».

Ну, господин дежурный сержант набирает номерок. Со всеми церемониями снимает трубку, прикладывает к уху, тыкает по кнопкам и, не сводя глаз с пацана в темных очках, просит прийти детектива. Да, возможно, наводка. Бросает взгляд пацану на руки. Рук не видно, они спрятаны в карманы толстовки, а это подозрительно. Сержант дергает подбородком и требует: «Слышь, уважаемый, а давай-ка ты руки из карманов вынешь».

Пацан делает, что ему велят, но выглядит все равно как-то мутно. Переминается с ноги на ногу, словно забыл отлить, причем с прошлой недели. И все головой вертит, будто ждет кого-то. Будто следом за ним в дверь вот-вот должны зайти. И мямлит жалобно: «Нельзя мне тут... увидеть могут...». Стоит вроде на месте, руки висят, как макароны, а ниже пояса все ерзает. Прямо как танцор «Риверданса». Или как порноактер – у этих тоже зад ходит туда-сюда, а рука, которая со стороны камеры, вечно повисает как парализованная, и еще отведена так чуть назад, будто хочет сбежать со стыда.

Дежурный сержант командует: «Выкладывай, что в карманах». И кивает в сторону, где у них пункт досмотра – рамка, стол, пластиковый ящик, все как в

любом аэропорту.

Пацан, наш бдительный гражданин, выуживает кошелек и телефон, кладет в ящик. После долгих колебаний снимает и отправляет следом темные очки. Глаза бегают – голубые глаза под испуганными бровями. Такая мимика скоро обеспечит ему ранние морщины.

Раздается хлопок. Похоже на выстрел – то ли прямо в полицейском участке, то ли снаружи. Хлопок приглушенный, так что, наверное, все-таки снаружи. Пацан вздрагивает. Точно выстрел.

Детектив первым делом спрашивает: «Сынок, ты не под кайфом?»

У пацана такой вид, как будто он увидел голым кого-то совсем не того. Типа катил себе по улице на велосипеде, объехал со спины, оглянулся, а там... У него срывается голос, и, пуская петуха, он требует: «Кошелек мне верните».

А детектив ему: «Нет, ты погоди. Ты о чем сообщить-то хотел? О планируемых покушениях?»

А пацан такой: «А вы что, уже знаете?!»

Детектив спрашивает, кому он успел рассказать.

А этот полезный член общества ему честно так: «Только ребятам своим».

Детектив возвращает кошелек, очки, ключи и телефон и просит позвонить или написать ребятам и убедить их немедленно прийти сюда, в участок. И улыбается. «Если не очень торопишься, я могу ответить на все твои вопросы. Но не здесь». И многозначительно так смотрит на потолок, где камера висит.

А потом он ведет пацана, этого очередного спасителя Америки, по бетонному коридору, по пожарным лестницам, через железные двери с надписью «Посторонним вход воспрещен». Отпирает неприметную дверь ключом и распахивает настежь.

Ребята пишут пацану, что они уже едут, пусть он не боится, они скоро.

За дверью темно и воняет. Воняет так, словно канализацию прорвало. Пацан заходит. Ребята пишут, что они уже в участке.

И вот теперь будет самая мякотка. Детектив включает свет. И доносчик наш, не в меру активный гражданин видит посреди комнаты гору окровавленных шмоток. И руки торчат из каждого рукава. Только шмотки, обувь и руки, потому что головы все всмятку.

Откуда-то из-за стен слышится приглушенный голос, он вещает: «Единственное качество, которое поистине объединяет нас, – это желание объединиться...»

Пай-мальчик наш в ужасе поворачивается к детективу, ища помощи, и видит дуло, глядящее на него в упор.

* * *

Как только инженерно-поисковая служба заканчивает проверку на предмет труб и подземных кабелей, дают команду начинать рыть. Пригнали экскаватор из «Спенсерз Рентал», с самым большим ковшом.

Работа уже подходит к середине, и тут появляется он. Вышагивает через спортивные поля. Не студент – слишком стар для студента. Скорее преподаватель. Штатный профессор. Ему больше всех надо везде сунуть нос. У профессора хлопковые индийские штаны на веревочке, носки и сандалии. На футболке надпись: «Феминизм – это я», под мышкой зажато нечто, скрученное в рулон. Плюс седая бороденка и очки, куда ж без них. Подойдя достаточно близко, чтобы его услышали, он машет рукой и кричит:

– Чудный день для труда на свежем воздухе!

Да, еще у него хвост. Башка сверху лысая, а пониже уцелевшие седые патлы собраны в хвост, длинный, до лопаток. И серьга блестит в ухе – здоровенный сверкающий на солнце бриллиант.

По регламенту требуется прямоугольник девять метров на девяносто, три с половиной метра в глубину, дно ровное с полуметровым слоем глины, сверху

проложить еще полиэтиленом, чтобы ничего не протекло в грунтовые воды. Точка выбрана в соответствии со стандартами – не менее четырехсот пятидесяти метров от любых источников питьевой воды или открытых водоемов. Регламент един по всей стране и совпадает с инструкциями по рытью накопителей для промышленных сточных вод, разве что требования к водоупорному подстилающему слою у экологов в этих случаях пожестче.

А что там у профессора за рулончик под мышкой? Ну разумеется, коврик для йоги!

И вот это ученое светило интересуется у пролетариев светским тоном:

– Так что же вы, господа, тут затеяли?

А Руфус ему такой:

– Благоустройство кампуса. Долгосрочная подземная парковка для преподавательского состава.

Серьезно так говорит, не ржет – и как только ему удастся?

Нэйлор не выдерживает, прикрывает рот кулаком и пытается выдать смех за кашель. Остерманн бросает на него злобный взгляд.

А профессор такой:

– Зовите меня Бролли. Доктор Бролли.

И руку тянет, только никто как-то не спешит ее пожать. Нэйлор смотрит на Вайса. Руфус сосредоточенно листает толстую кипу бумаг, закрепленную на планшете. Наконец зависшую в воздухе руку жмет Остерманн.

Руфус перелистывает страницы, бубня под нос: «Бролли... Бролли...» и ведя пальцем по какому-то бесконечному списку.

– Вы читаете курс под названием «Тяжелое наследие привилегированного евроколониального культурного империализма»? – уточняет он.

Профессор смотрит на стопку бумаги, еле уместающуюся под зажимом планшета, и Руфусу такой:

– Позвольте узнать, что у вас в руках? Где это фигурирует моя фамилия?

А Руфус ему, не моргнув глазом:

– Да так, исследование одно. О загрязнении окружающей среды.

Нэйлор и Вайс гогочут в открытую, придурки. Отворачиваются спиной, чтобы проржаться и сделать приличное выражение лица, но все равно так и трясутся от смеха, и Остерманн рычит им:

– Заткнитесь, уроды!

Профессор весь красный под своей бороденкой. Перекладывает коврик под другую руку и говорит:

– Я интересуюсь вашими действиями лишь потому, что состою в университетском комитете по борьбе с землеповреждением.

Руфус смотрит в свои бумажки и подтверждает:

– Ага, тут написано «вице-председатель».

Нэйлор уходит под предлогом напомнить экскаваторщику про уклон. С запада должен быть уклон, с той стороны будут заезжать самосвалы. Не хватало еще, чтобы грунт осыпался под таким весом.

Опершись на лопату, Вайс кивает профессору.

– Крутая у вас футболка.

Тот поднимает запястье и подчеркнуто смотрит на часы. И заявляет такой:

– Я все еще не получил четкого ответа, чем именно вы тут занимаетесь.

А Руфус ему, не отрываясь от бумаг:

– Кабинет у вас по-прежнему в здании Принца Люсьена Кэмпбелла на шестом этаже? Информация актуальная?

Профессор обалдело моргает. Вайс любитесь серьгой в его левом ухе.

– А брильянт настоящий?

Край ямы на футбольном поле начинается с зеленой травки. Под ней виден тонкий слой темно-коричневой почвы. Дальше подпочвенный слой, а ниже – древнейшая история, до самых динозавров. На башне в главном здании университета звонит колокол – пробило четыре часа.

Профессор подходит к самому краю, опускается на одно колено, заглядывает. Под ним сырая земля в яме, которая глубже бассейна. Глубже подвала. В яме земля и черви. Уходят вниз вертикальные стены в полосах от зубцов экскаваторного ковша, осыпаются на дно мелкие комочки.

Профессор свесился вниз, ему и невдомек, что он видит. Может, он высматривает древние окаменелости. Тупой, как хряк, которого ведут на бойню. Не улавливает очевидного, но ищет следы исчезнувших цивилизаций. Глядя прямо в ту самую черную тьму, существование которой всю жизнь старательно игнорировал.

* * *

Фруктовые колечки прилипли к коже, как радужная короста. Он снимает с предплечья красненькое, клубничное и отправляет в рот. На предплечье остается круглый красный след, как татуировка. Прямо-таки разноцветный леопард.

Этим утром Ник просыпается, а в кровати рассыпано содержимое коробки готового завтрака «Фрут-Лупс». Постельное белье у него с узором из спасательных кругов, они очень похожи на колечки, прилипшие к спине. Ник

шарит рукой по полу, ища телефон, и пытается вспомнить, чем закончился вчерашний вечер.

На экране сообщение: «Награда за информацию». Доставлено в пять минут первого. Ник пытается написать в ответ. Номер заблокирован.

Он не успевает даже вылезти из постели, как телефон начинает пиликать. На экране надпись: «Номер скрыт».

– Слушаю.

– Николас?

Голос мужской. Не Уолтер. И не отец. Низкий и сиплый, но вроде культурный. Ни одна живая душа не зовет Ника Николасом.

– Нет, я его друг, – врет Ник, мечтая поскорей пойти отлить. – Ника нет дома.

– Разрешите представиться, – сипит голос. – Мое имя Толботт Рейнольдс. Вы, по случайности, не знаете, где мне отыскать Шасту Санчес? Это дивное и обольстительное создание.

– Понятия не имею, – снова врет Ник.

– Знакомы ли вы с прелестницей мисс Санчес?

А Ник такой, не моргнув глазом:

– Не-а.

– Не связывалась ли с вами на днях полиция или некий Уолтер Бэйнс?

Ник начинает понимать. Уолтер. Долбанный придурок Уолт. Бездарный лузер, с которым вечно происходят всякие катастрофы – и именно Нику приходится расхлебывать последствия. Когда Уолтер обдолбался солями и решил отгрызть себе руку, конечно же, в травмпункт его тащил Ник. И это еще фигня, а что

было, когда Уолт хотел присунуть той смазливой сатанистке!.. Даже не пытаюсь скрыть раздражение, Ник заявляет:

– Не слыхал о таком.

Голос в трубке звучит гулко, как из бочки. Словно этот Толботт звонит откуда-то из-под земли.

– Смею вас заверить, что я весьма обеспеченный гражданин, который готов щедро вознаградить вас за любое содействие.

Ник шарит рукой по простыне, пока не нащупывает маленький кругляшок – таблетку флексерила, десять миллиграмм. Рефлекторным движением, не глядя, отправляет ее в рот и прожевывает без запивки. Если этот хрен звонит насчет наркоты, возможны проблемы. Обстоятельства вчерашнего вечера в голове Ника по-прежнему довольно туманны. И на телефоне он висит уже достаточно долго, чтобы его местонахождение определили. Достаточно долго, чтобы в любую секунду мог раздаться настойчивый стук в дверь.

– Нику что-нибудь передать? – спрашивает он, понимая, что пора закругляться.

– Передайте ему, чтобы не ходил в полицию, – отвечает Толботт и после едва заметного колебания добавляет: – Скажите ему, что через пару дней все разрешится.

Уже чувствуя, как расслабляются мышечные зажимы, Ник выдает:

– Во что Шаста впуталась на этот раз?

А сиплый аристократ Толботт немедленно интересуется:

– Позвольте узнать ваше имя?

Ник обрывает звонок. Выскакивает из постели, осторожно глядит в щелку между шторами. Под окнами пока никого не видно.

Ник снимает с локтя зеленое колечко, жует, погружившись в размышления. Отключает в телефоне геолокацию, потом для верности вытаскивает батарею.

* * *

В торговом зале поставили ряды складных стульев, но мест все равно не хватило, и народ толпится вдоль стен. Все происходит в магазине товаров для охоты и рыбной ловли – огромном, с обустроенным внутри водоемом, чтобы ловить форель на удочку. Только время уже позднее, магазин закрыт, искусственные водопады отключены, форель загнали по аквариумам в подсобных помещениях, так что ручей в плексигласовых берегах стоит пустой. Звуковое сопровождение тоже выключено: не заливаются трелями певчие птицы, не трубит благородный олень – мать-природа отработала смену и ушла домой.

Бинг и Эстебан осматривают толпу. В основном черные братишки. Сборище джамалов. Армия волков-одиночек.

В дальнем конце зала сидит тот хрен из качалки – Колтон, или как бишь его там. С ним рядом его «плюс один» – то ли Пегги, то ли Полли.

Перед собравшейся толпой выступает человек.

– Поднимите руки, кто знает, зачем собакам купируют уши? – спрашивает он.

И, не дав никому ответить или хотя бы руку поднять, начинает разглагольствовать о древних пастухах, подрезавших уши щенкам. В целях борьбы с инфекциями. Чтобы волку было не за что ухватиться. Резали ножницами для стрижки овец, жарили обрезки ушей на огне и скармливали тем же собакам – чтобы злее были.

– А многие ли из вас, – спрашивает, – знакомы с ассирийскими законами?

Среди собравшихся таких не находится. Тогда он восклицает, делая резкий шаг вперед:

– По вавилонским законам Хаммурапи преступникам отрезали уши!

Выступающий подтверждает свой тезис тем, что уши резал и король Генрих Восьмой вагрантам, и сограждане-американцы – мятежникам и совершившим преступления против морали, аж до 1839 года.

– В общем, – заключает он, – совсем не удивительно, что на протяжении веков наемные убийцы предъявляли именно отрезанные уши для получения платы.

Бинг поднимает руку и говорит:

– Небось кровищи...

Оратор мотает головой.

– Кровищи будет немного, если... – Тут он поднимает указательный палец. – ...если ухо срезать с трупа.

Дальше, по его словам, получается так. Главное преимущество скальпов в том, что они мало весят и легки в транспортировке. Недостаток в том, что дело это неопрятное. Та же история с сердцами: их вырезание – процесс долгий и трудоемкий. Уши в этом плане идеальны. Места занимают мало, спрятать легко. Сотня ушей запросто поместится в обычный бумажный пакет. Левых ушей – отрезать нужно именно левые уши. Такой пакет будет эквивалентом трехсот тысяч голосов. Можно сказать, это целая политическая партия.

Оратор поворачивается в профиль и предлагает слушателям:

– Ну-ка держите.

Он имеет в виду свое ухо. Эстебан глядит по сторонам. Желающих нет. Тогда он подходит и берется за ухо. Оно теплое и мягкое.

– Потяните как следует, – приказывает оратор.

И начинает перечислять требования. Принимаются только левые уши. Все слышали? ЛЕВЫЕ! Только уши из списка. Будет проводиться ДНК-анализ случайных ушей из каждой партии; если обнаружится подлог, мошенника ждет

смертная казнь. Уши не подлежат продаже и обмену, сдать их и получить голоса может лишь тот, кто лично их собрал. Все это перемежается бесполезными фактами – например, что наградой тореадору после эффектного боя служит ухо быка. Или что через уши происходит излучение тепла организмом.

Эстебан стоит и держит в руке ухо, как наличные деньги.

– К тому же, – продолжает оратор, – уши – штука прочная. Даже при попадании в голову ухо, скорее всего, уцелеет, хоть для его добычи и придется немного поковыряться. – И, повернувшись к Эстебану, распоряжается: – Можете отпустить мое ухо и вернуться на место.

В общем, как объясняет этот тип, ушная раковина состоит из эластичной хрящевой ткани и соединительной оболочки – перихондрия, по которому поступают кровь и лимфа. И режется это все проще, чем покрышка. Удобнее всего отсекать сверху вниз – от завитка раковины к мочке.

– Если вы в состоянии порезать автомобильную покрышку, вы и с ухом справитесь, – заверяет он.

И углубляется в технические детали. Лучше использовать нож с фиксированным четырехдюймовым лезвием – прямым, не серрейторным. Хвостовик должен быть полный, рукоять, упаси бог, не кожаная, деревянная или костяная. Только полимер, чтобы в руках не скользил.

Продавать товары для охоты этот человек умеет, такова его работа.

Выбирать надо высокоуглеродистую сталь. Неполный хвостовик не подходит, такие ножи имеют свойство ломаться. Складные – тоже. А если цель добыта, а ухо снять нечем, все усилия пропадут зря.

– Нет, можно, конечно, обойтись и кухонными ножницами, только приятно ли будет ими потом курочку разделывать?

– Вот-вот! – подтверждает Эстебан.

В зале смеются.

В общем, Эстебан на месте все продумал. Они станут королями-воинами. Мало кто из этих людей решит объединить силы. Они тут все по натуре фрилансеры, «свободные копейщики», наемные рыцари. Наверняка большинство решит действовать самостоятельно – сам обнаружил цель, сам убил, сам ухо срезал. Это разные задачи, переключение между ними будет отнимать время. Эстебан считает, что гораздо эффективней будет разделение труда. Бинг у него настоящий снайпер. Бинг снимает цель – Эстебан снимает ухо. Получится идеальный тандем. Вместе они заложат основы великой династии, которая станет править вечно.

Для них обоих Ссудный день – последняя возможность сделать в жизни что-то значимое.

Это будет как восстание Ната Тернера. Как захват арсенала Джоном Брауном. Грядет новый крестовый поход – Поход Одного Дня, – и они получают награду, сравнимую с поместьями и титулами, которые пожаловали крестоносцам. Награду, которая долговечнее земли и денег. Они возьмут в супермаркете бумажный пакет, набьют его ушами и займут место в истории. Эстебан, Бинг и все их потомки встанут во главе самой могущественной нации в грядущих веках.

Сев на место, Эстебан достает из кармана куртки бумажную салфетку и тюбик какао-масла. Теперь он высший хищник. Раз уж он решил распрощаться с жизнью, где ему доставались объедки да обноски, пальцы его не должны вонять ушной серой этого хрена с трибуны.

* * *

Шаста не оборачивалась. Она привыкла, что парни в колледже ходят за ней хвостом по коридорам, беззастенчиво пялясь на ее плавные обводы, насилая ей уши криками: «Перепихнемся, Шаста?». «Как ты больше любишь кончать, Шаста?» – орали ей горластые придурки.

Кто-то дернул ее за дреды.

– Шаста! Пусти меня под ковер!

Шаста обернулась, надеясь увидеть Уолтера. Голос был очень похож. Но нет, за спиной у нее оказался какой-то торчок, у которого изо рта несло пережженной грошовой травой. Торчок кинулся на нее, вытянув губы трубочкой и высунув язык.

– Я буду скучать по тебе, Шаста!

Она увернулась, не дав схватить себя за жопу, и растерянно пролепетала:

– Чего по мне скучать, куда я денусь...

А потом сообразила: она-то никуда не денется, а вот этот бедный обдолбыш очень даже.

И он, и все остальные пацаны, с которыми она учится в колледже, очень скоро умрут страшной, мучительной, чудовищной смертью.

Бедный укурок. Бедные, бедные мальчики...

Все их похабные слова и действия Шаста не воспринимала всерьез. Даже когда ее пытались ущипнуть за обтянутый легинсами зад. Она-то знала наверняка – парни хорохорятся от страха.

Доктор Бролли, профессор, который преподавал у них в Орегонском университете современную политику, все объяснил. Знакомство со своим предметом он начинал с модуля по книжке одного немца. В книжке этой заслуженный-простуженный академик по имени Гуннар Хайнзон убедительно втирает, что все крупные политические потрясения коренятся в единственном демографическом явлении – избытке молодых людей мужского пола. Ученый фриц окрестил этот феномен «молодежным бугром». И было совершенно очевидно, что профессора Бролли эта идея приводит в экстаз. Если тридцать процентов населения вашей страны составляют мужчины от пятнадцати до двадцати девяти лет, вы в зоне риска!

А если эти мужчины еще и не голодающие и мало-мальски образованные, они непременно начнут грызнуть за статус. Тут-то все и завертится. По мнению герра Гуннара, тот, кому жрать нечего, за социальным признанием гнаться не будет.

Ну и те, кто не умеет читать, в жизни не догадаются, что в мировой истории они никто. А вот если юнцы накормлены и грамоте обучены, тут молодежный бугор превращается в волчью стаю алчных до признания самцов.

Любимым примером доктора Бролли был 1484 год в Испании, когда римский папа Иннокентий Восьмой назначил смертную казнь за любые формы контрацепции. Среднее количество детей в испанской семье тут же скакнуло с двух до семи. Наследство полагалось только первенцу мужского пола. Девочки в те времена вообще мало на что могли в жизни надеяться. А вот мальчики... лишние мальчики желали статуса, власти, признания, места в социальной иерархии. Именно «вторые сыны», называвшие себя *secundones*, хлынули в Новый Свет со вторым плаванием Христофора Колумба, именно из них сложились легионы конкистадоров, поработившие несчастные племена ацтеков и майя.

Если верить Википедии, Гуннар Хайнзон родился в Польше в 1943 году. То есть теперь был уже суперстар, песок сыплется. Поэтому по части привлекательности Шаста оценивала его на трояк – несмотря на пафосную европейскую фамилию и тот факт, что он блондинчик.

Доктор Бролли утверждал, что на всем протяжении человеческой истории такие вот состоящие из юных горлопанов молодежные бугры свергали правительства и развязывали войны. В XVIII веке во Франции резко увеличилась численность населения, цены на продовольствие поползли вверх, начались бунты; слово за слово, разгулявшиеся молодцы скинули аристократию Людовика Шестнадцатого и отчекрыжили Марии-Антуанетте венценосную башку. Та же история и с большевицкой революцией – ее устроил поток лишних крестьянских сынков, на чью долю не хватило земли под распашку. В тридцатые годы XX века «молодежный бугор» возник в Японии и учинил Нанкинскую резню. На гребне такой же волны поднялся Мао Цзэдун в Китае.

Шаста внимала профессору с большим интересом. Получалось, что все самые ужасные события происходили от переизбытка молодых и горячих потенциальных бойфрендов.

Если верить Совету по международным отношениям, в период от 1970-го до 1999-го восемьдесят процентов гражданских столкновений происходило в государствах, где люди до тридцати лет составляли шестьдесят процентов населения! Сейчас в мире насчитывается шестьдесят семь стран с «молодежным

бугром», и в шестидесяти из них отмечаются высокие показатели социальной напряженности и уровня преступности.

И словно вторя профессору Бролли, мисс Петтигроув, которая вела у них «Общие вопросы гендера», вещала с кафедры о том, что всякий конфликт, сокращающий численность мужского населения, повышает социальную ценность мужчин. Лишившись роскоши выбора, женщины превращаются в голодных кошек и выстраиваются в очередь к любому обладателю хера в штанах.

В общем, не требовалось большого ума, чтобы понять мужскую часть студенческого корпуса в университете Орегона. Мальчики изо всех сил демонстрируют браваду, в глубине души пряча страх. Буквально на днях Соединенные Штаты должны ратифицировать объявление войны с Ближним Востоком. В том регионе вздымается своя масса горячих юношей, а Штатам надо как-то справляться с амбициями и гиперактивностью миллениалов – вероятно, самым крупным молодежным бугром в истории.

Мисс Ланахан на лекции по предмету «Динамические процессы в живой природе» показывала фильм, снятый борцами за этическое обращение с животными. На документальной съемке работники птицефабрики осматривали цыплят – крошечные, только что вылупившиеся умильные комочки. Маленьких курочек отправляли под греющие лампы к кормушке, а вот маленьких петушков безжалостно сбрасывали в темную трубу, как в мусоропровод. Набивали полный контейнер живой, пищущей, борющейся за жизнь биомассы, а затем подъезжал автопогрузчик, поднимал контейнер на вилы и вез на голое сельскохозяйственное поле. Там цыплят – и живых, и мертвых – закатывали в землю комбайном в качестве удобрения почвы.

Сотни крошечных желтых пушистиков с пасхальной открытки, только что явившихся в этот мир, замерзших, перепуганных, пища ковыляли по распаханному полю и гибли под чудовищными лезвиями и гусеницами огромного комбайна. Однокурсники Шасты наблюдали за этим с хохотом и улюлюканьем.

Разумеется, не потому, что им было так смешно, а потому что в этих цыплятах они видели себя.

Вот как прикажете им всерьез заниматься бальными танцами на уроках физического развития и скрапбукингом на уроках художественного, когда

правительство одним росчерком пера готовится оборвать их жизни?

Собственно, именно так политики всегда и поступали с избытком мужского населения. У Шасты от этих мыслей сердце кровью обливалось. Все парни как один – и быдловатые качки, и обдолбанные торчки, и унылые задроты, – все они очень скоро будут пущены в расход. Завтра Америка объявит войну – и досвидос, миллениалы, здравствуй, новая стабильность патриархата!

Сейчас пацаны собачьей свадьбой преследуют Шасту по коридорам, пытаются дернуть ее за бретельку лифчика и рассказывают, как именно они бы ей вдули. Каждый из них уже взят на военный учет. Большинство отправят в зону боевых действий и там вдут пулю промеж ребер.

Когда их выходки начинали совсем уж действовать на нервы, Шаста напоминала себе, что скоро этих бедняг закатают гусеницами в бесплодные дюны на Ближнем Востоке вместе с тамошними собратями по несчастью, такими же громогласными и лишними. Шаста будет корпеть над учебниками, а они пойдут служить по призыву. Танки и мины будут заживо превращать их прыщи и мышцы в фарш – прямо как тех цыплят, единственным преступлением которых была нежелательная гендерная принадлежность.

Шасте же следует учиться, получать степень в общественных науках и жить богатой долгой жизнью. И в День памяти обязательно надевать значок с красным маком.

Кто-то прямо над ухом прошептал:

– Шаста...

Она развернулась, готовая к обороне, однако защищаться не потребовалось. Это был Ник. Ее бывший парень. Ник, который отчислился в конце первого семестра на том основании, что нет необходимости изучать физику и матан для успеха в карьере пушечного мяса. Шаста ему обрадовалась.

Ник ей тоже – по крайней мере, почти улыбнулся. Но прежде чем между ними успела возникнуть какая-то романтическая неловкость, он задал вопрос:

– Уолтера давно видела?

Уолт был ее нынешним бойфрендом. Учебу он тоже бросил, работал теперь в «Старбаксе», пытаясь взять все от оставшегося ему сладостного кусочка жизни. Шаста не видела его уже давно. С того самого дня, как он вдруг понес какую-то чушь о массовом народном заговоре против властей.

– Короче, – быстро продолжил Ник, – если полиция спросит, меня тут не было. – Он уже увлекал Шасту за руку в сторону чулана под лестничным пролетом в южном крыле. – Шаста, лапочка, нам надо поговорить. – Нежно отведя дреды с ее лица, он заверил: – Честное слово, я не собираюсь тебя насиловать.

И Шаста позволила утащить себя в чулан.

* * *

Грегори Пайпер получил приглашение на второй этап проб. Его агент был в восторге.

Сюжет предлагаемого произведения разворачивался в недалеком будущем, в некоем утопическом государстве воинов и благочестивых дев, и Пайпер пробовался на роль монарха по имени Толботт Рейнольдс. Толботт был чист и непогрешим; подобно святому возвышался он над массой простых смертных. Вроде это была главная роль в пилотном эпизоде нового телесериала.

Разумеется, сериал обещал быть низкопробным, а персонаж – совершенно картонным. Пайпер про себя, конечно, вздыхал, но что ему еще оставалось? Все-таки хоть какая-то возможность поработать лицом. Он ведь почти год не мелькал ни в единой телерекламе, не был занят даже в озвучании какого-нибудь мультика. Меж тем квартира сама себя не оплатит.

Пайпер был готов пожертвовать карьерными амбициями и браться за унылые независимые постановки. Сниматься в пилотных сериях проектов, на которые не позарится ни один канал. Ходить на задних лапках перед едва доучившимися гениями авторского кино, которые не способны отличить рисующий свет от светофильтра и снимают свои опусы на деньги с легализованной марихуаны. Пайперу вечно приходилось корректировать им постановку мизансцен,

объяснять простейшие вещи оператору, учить режиссера, как создавать контрнарратив через размещение героев в кадре.

Надо сказать, сегодняшняя рабочая группа в этом плане пробила дно даже на фоне прежних отбросов Голливуда. При рукопожатиях Пайпер оцарапал ладонь об их шершавые клешни. От них разлило потом. Во время проб они хлебали пиво из банок и громогласно препирались о достоинствах и недостатках каждого соискателя. Под ногтями у них была чернота, по неулыбчивым, обожженным солнцем лицам пролегли глубокие морщины, с которыми даже никак не пытались бороться, хотя бы филлер вколоть...

Кастинг-директора звали Клем. Да, просто Клем, без фамилии. На костяшках его пальцев бурели коросты засохшей крови, и вообще он больше напоминал главу рабочего профсоюза, чем представителя киноиндустрии. Пожимая Пайперу ухоженную руку, Клем сунул ему сценарий и похвалил то, как ему удалась роль Рональда Рейгана. Пайпер действительно когда-то снялся в документальной ленте кабельного канала об убийстве президента. Клем тряс его ладонь и выражал свои восторги:

– Круто вы смотрелись, очень круто! Вот прям собрали кишки в кулак и не умирали два часа!

Затем подошел человек со сломанным носом. По обе стороны его лысой головы торчали изуродованные уши, похожие на цветную капусту. Человек представился ведущим оператором и назвал себя Ла-Манли. Вероятно, прозвище – фамилий у них никто не использовал. У Ла-Манли был чикагский выговор и свастика, наколотая на бычьей шее. Оглядев Пайпера с головы до ног, он пробормотал:

– Зачетный прикид.

На пробы велели явиться в костюме и галстук, как положено лидеру свободного мира. Волосы полагалось иметь причесанные, туфли начищенные. Пайпер подошел к выполнению этих требований со всей серьезностью и облачился в свой лучший однобортный костюм, сшитый по мерке на Сэвил-Роу. И после быстрой оценки конкурентов пришел к выводу, что роль может получить за счет одного костюма. Собственно, конкурентами были сплошь вышедшие в тираж герои-любовники – красавцы, на протяжении всей карьеры выезжавшие на

волевым подбородке и мужественном профиле. Деревянные спецы по деревянным персонажам – судьям, адвокатам, семейным врачам.

Назвали его фамилию, и Пайпер встал на точку перед камерой. Рядом с оператором на треногу был водружен большой лист бумаги, на котором от руки значилось: «Прочесть следующее» – и ниже много строчек в виде маркированного списка. Помощник режиссера смотрел в видоискатель, настраивая фокус. Жестом он дал Пайперу указание сделать полшага в сторону. Когда он склонился над камерой, клетчатая фланелевая рубашка на нем распахнулась, обнаружив под собой грязную майку-алкоголичку и пистолет в портуpee.

Как пистолет, он наставил на Пайпера кургузый указательный палец и дал команду начинать. Его подельники сидели рядом за столом и наблюдали запись на мониторах.

Пайпер включил Рейгана и начал:

– Сograждане! Я обращаюсь к вам от лица вашего нового правительства, которое ныне возглавляю.

Секрет самого лучшего Рейгана в том, чтобы постоянно сохранять в голосе едва различимую картавость.

– На протяжении всей человеческой истории власть являлась тем, что необходимо заслужить.

Второе правило Рейгана: паузы важны не менее, а то и более, чем слова.

– Власть всегда была наградой тому, кто способен продемонстрировать силу. Лишь самые достойные из воинов могли увенчать себя короной.

Пайпер на миллиметр опустил подбородок.

– Ныне же политика превратилась в борьбу за одобрение масс.

Он с презрением глядел в камеру исподлобья, зрачки наполовину скрылись под надбровными дугами. Теперь это были глубоко посаженные глаза пещерного человека, грозно взирающие из темных провалов глазниц.

Пусть конкуренты в очереди заодно и поучатся, им полезно. В свое время Пайпер играл короля Лира. Он играл Моисея.

– В наши дни лидеры привыкли лебезить и пресмыкаться ради обретения власти, не сражаться за нее.

Пайпер сделал паузу, чтобы слушатели прониклись смыслом его слов.

– С начала Промышленной Революции...

Какой неудачный переход. Грамотный спичрайтер сделал бы более гладкую подводку, но знающий свое дело актер умеет вытянуть текстовые огрехи. В данном случае достаточно лишь повторить открывающую фразу.

– С начала Промышленной Революции глобальные силы ведут стандартизацию человечества.

Даже не прерывая зрительного контакта с камерой, он почувствовал, что получилось удачно. Кастинг-директор закивал и черкнул что-то в распечатке сценария. Продюсер и сценарист переглянулись и приподняли брови. Все слушали не дыша, никто не подергивал ступней в нетерпении, никто не барабанил пальцами по столу. Даже кастинг-директор перестал жевать пончик.

– От рождения мы с вами жили под тиранией стандартизованных часовых поясов, мер длины и температуры, норм этикета и одобряемого поведения...

Многоточия в тексте не было, Пайпер добавил его от себя – чтобы усилить эффект от следующей фразы.

– ... и эти универсальные нормы украли у нас жизнь.

Тут Пайпер улыбнулся, обозначая начало новой смысловой части. Он следил за тайм-кодом на экране камеры. Текст полагалось произнести за четыре минуты, и

Пайпер был намерен уложиться в заявленное время с точностью до секунды.

– Сегодня героизм наших соратников освободил нас от давней тирании общепринятых норм.

Каждое слово он произносил веско, растягивал, смаковал, добиваясь эффекта рузвельтовских «бесед у камина».

– Отныне эти герои, что проявили себя достойнейшими, и будут править народом!

Пайпер добавил в тон снисхождения, капельку надменности оратора в Гайд-парке, пренебрежения к мелким страхам, которые может испытывать аудитория. Теперь следовало возвысить голос и закрепить эффект помпезностью Джона Кеннеди.

– Наши новые лидеры – это воины, освободившие нацию! Они поведут нас и наших потомков в свободное будущее!

Слова не имели никакого смысла, но в смысле и не было необходимости. Требовалось лишь вызвать у слушателей эмоциональный подъем.

– В этот великий день...

Голос Пайпера звучал так, словно исторгался из гранитных уст горы Рашмор. Как Геттисбергская речь, отголоскам которой суждено было застыть в веках.

– В этот великий день мы отвергаем тупое уравнивание, навязываемое глобальными стандартами. Мы посвящаем жизнь... – Пайпер сделал паузу, словно бы от переполняющих его эмоций, – ... восстановлению своего суверенитета и идентичности!

Хороший актер всегда четко следует сценарию.

Великий актер умеет импровизировать так, чтобы донести заложенную в тексте мысль еще эффективнее. Пайпер пошел ва-банк: импровизация либо убьет всякую надежду на эту роль, либо станет железной гарантией ее получения.

Обратив на камеру яростный взгляд Линдона Джонсона, Пайпер выдал фразу, которой в сценарии не было:

– Для создания того, что будет иметь ценность вечную, прежде мы должны создать самих себя. – И, глядя прямо в объектив, закончил: – Благодарю вас.

Четыре минуты ровно.

Аудитория разразилась овациями. Вся съемочная группа повскакивала с мест и выражала одобрение люмпенскими методами – свистом, улюлюканьем и топотом тяжелых ботинок. Даже конкуренты Пайпера, сидевшие поодаль в ожидании своей очереди, нехотя аплодировали его триумфу.

Мордатый кастинг-директор кинулся к Пайперу с улыбкой от уха до уха и хлопнул его лапищей по спине.

– Ну вы даете! Ваше про «создать себя» – просто блеск! – Он сунул Пайперу распечатку. – Пока не уходите. Вот это еще прочитайте на камеру, будьте добры!

Пайпер взял из его шершавой, покрытой шрамами клешни квадрат белого картона, на котором значилась единственная фраза. Вернув карточку, Пайпер поднял суровый взгляд на объектив и провозгласил:

– Не пытайтесь его найти. Списка не существует.

– Дальше! – потребовал кастинг-директор.

Пайпер прочел следующую карточку:

– Улыбка – лучший бронезилет.

Периферийным зрением он видел, что вокруг суетится фотограф.

Голос кастинг-директора:

– Дальше! Снимаем!

Сузив глаза, Пайпер глубокомысленно изрек:

– Великое бесконечно сражается, утверждая себя в наших глазах.

Он делал все возможное – учитывая, что работать приходилось вообще без контекста.

– Мира и стабильности требуют те, кто уже прибрал к рукам всю власть.

Его заставили много раз повторить подобные ура-патриотические слоганы, так что он выучил их наизусть и декламировал без бумажки.

Когда слоганы кончились, Пайперу вручили большую иссиня-черную книгу, по формату напоминающую гляцевый художественный альбом. Только на обложке не было никаких иллюстраций, а значилось лишь название золотыми буквами: «Ссудный день». Автор – Толботт Рейнольдс. Его персонаж. Фотограф заснял Пайпера с раскрытой книгой со всех возможных ракурсов.

Никто уже не аплодировал, но Пайпер чувствовал от съемочной группы глубокое, молчаливое одобрение. Напоследок кастинг-директор попросил его прочесть фрагмент с первой страницы.

Пайпер открыл ее. Сверху крупным шрифтом было напечатано:

«Декларация взаимозависимости».

* * *

Никто не протестует. По-хорошему Национальной аллее от Капитолия до монумента Вашингтона полагается быть забитой народом. Многомиллионные орды антивоенных демонстрантов должны тесной кучей топтаться на месте, размахивая плакатами и скандируя лозунги. Телефонам в кабинете сенатора Холбрука Дэниэлса на пятом этаже третьего офисного здания Сената следовало бы непрерывно разрываться.

Телефоны молчали. Персонал ожидал волны гневных писем – ни одно не упало в электронный ящик.

Нет, под окнами у сенатора Дэниэлса не было никакого движения – кроме разве что небольшой группы строительных рабочих, роющих какой-то котлован. Шириной он был примерно с олимпийский бассейн и длиной с два бассейна. Причем рыли они прямо на лужайке между Ферст-стрит и входом в Капитолий. Сенатор наблюдал за копошением плебеев, сидя в кожаном кресле под кондиционером в приватном кабинете, обставленном на деньги налогоплательщиков. Наблюдал почти с жалостью. Даже если их самих не отправят умирать на войну, отправят их сыновей. Сыновей, внуков, племянников. Учеников и сослуживцев. Весь избыток мужского населения.

До голосования по Национальной военной резолюции оставались считанные дни. Разгневанные американцы должны бы уже всю стучать в его дверь. И все же... Тишина царила не только в кабинете сенатора, во всем здании было тихо, как в церкви. Ассистенты уже справлялись у админов и в телефонной компании – интернет работает без перебоев, номера подключены.

Сенатор Дэниэлс мог лишь предположить, что американское общество слишком раздроблено. Таковы издержки индивидуализма, возведенного в ранг национальной идеи. Никто не переживает за ближнего, которому велено перепоясать чресла и отправиться на верную смерть. Государственная пропаганда сделала свое дело на славу: к молодым мужчинам прочно приклеился ярлык внутреннего врага. Это они поддерживают и распространяют «культуру изнасилования», это они открывают стрельбу в школах, это из них получаются неонацисты, это они – паршивые овцы, от которых общество будет счастливо избавиться. Массмедиа со всем рвением выполняют госзаказ по демонизации юношей призывного возраста, так что почва для их устранения подготовлена.

До конца недели резолюцию о восстановлении воинской повинности примут единогласно. Два миллиона молодых людей будут подлежать немедленному призыву и отправке в зону конфликта в Северной Африке. Главы пары десятков других стран Западной Африки и Ближнего Востока снарядят туда столько же от себя.

По мрачным и вполне достоверным слухам, это будет самая краткая мировая война в истории. Едва комбатанты займут позиции вдоль фронта, их всех убьют

одним термоядерным ударом. Ответственность за удар возьмет на себя несуществующая террористическая группировка, и стороны смогут отступить без потери лица. Война официально закончится «вничью».

Очередная «война, которая положит конец всем войнам».

Рабочие, меж тем, рыли на удивление споро. Обычно в округе Колумбия проекты по строительству и благоустройству реализовывались весьма неспешно и растягивались на годы: все-таки освоение бюджета – дело небыстрое. Может ли мотивация этих людей быть не только денежной?.. Сенатор Дэниэлс наблюдал, как вгрызается в грунт экскаватор, уже почти не видимый ему за растущей кучей земли.

Война планировалась давно – еще с той поры, когда миллениалы учились делать первые шаги. В Бюро переписи населения сразу поняли, что это будет самое многочисленное поколение в истории США. Ему предстояло вырасти здоровым и образованным и неминуемо возжелать власти и признания. Подобную динамику уже можно было наблюдать в таких странах, как Руанда и Кот-д’Ивуар – там избыток молодых мужчин привел к гражданским войнам, уничтожившим национальную инфраструктуру и отбросившим выживших за черту бедности.

Какое-то время американским властям удавалось держать эту пороховую бочку под крышкой, накачивая молодежь риталином. Далее к обеспечению мира и спокойствия подключились бесконечные онлайн-игры и порнография – отрасли, втайне финансируемые государством. Но несмотря на все усилия, миллениалы начали осознавать свою смертность. Им стало нужно нечто большее, чем одурманенное и оболваненное убийство времени.

Проблему с избытком молодых бузотеров требовалось решать. Без существенного сокращения их численности страну могла постигнуть участь Гаити и Нигерии. Американская версия арабской весны маячила прямо перед носом.

На совести миллениалов уже был резкий взлет насильственных преступлений в Чикаго, Филадельфии и Балтиморе. А также хакерские атаки с целью похищения государственной тайны. Новая война с целью избавления от «молодежного бугра» была совершенно необходима. Однако ее истинную цель обнародовать не следует, это может привести к революции – юноши будут защищать себя,

старшее поколение кинется защищать сыновей... Нет, семьям достаточно знать, что их дорогие мальчики погибли героями. Пусть храбро идут в бой, как деды воевали, и не щадят живота ради мирного неба над головой своих соотечественников.

Сенатор наблюдал за взмыленными рабочими на полуденном солнцепеке. Летом на реке Потомак жарко и влажно. Он усмехнулся, подумав о том, что через пару недель женщин в стране станет существенно больше, чем мужчин. Феминизм загнется своей смертью, дамам придется вести себя очень хорошо, а тех, кто не готов прогибаться, ждут одинокая смерть и захоронение в желудках своих сорока кошек. Меньше социальных потрясений, больше доступных баб. Для сенатора Дэниэлса и ему подобных сплошной выигрыш.

Далеко внизу, под окнами рабочие суеились вокруг ямы, как муравьи. Как послушные роботы, исполняющие волю хозяина.

Сенатор наконец догадался, что именно они там делают. Это же очевидно. Готовят площадку для монумента павшим воинам – тем, кто еще жив, но к Хэллоуину будут мертвы. Весьма, весьма разумная идея. Над этой зловещей ямой будет воздвигнута конструкция в греко-римском стиле – пышная, как пирожное, со статуями, колоннами и прочими финтифлюшками, призванными повергнуть наблюдателя в эмоциональный катарсис. Очень разумно начать работы прямо сейчас, до объявления войны. Чем быстрее мы почтим мертвых, тем быстрее их можно забыть.

Дань памяти начали отдавать досрочно – еще до того, как получили свои повестки студенты, разносчики пиццы, пацаны на скейтах... Резец мастера уже высекает их имена в белом мраморе.

Вот теперь все встало на свои места. И сенатор Дэниэлс задремал в мягком кожаном кресле, убаюканный тихим гудением кондиционера и царящим вокруг безмолвием.

* * *

Отец говорил Фрэнки, что иногда пожарным приходится сжечь дом, чтобы спасти квартал. Получается вроде как встречный пал, если объяснять это по

принципу тушения лесных пожаров.

Отец и сын ехали в белой машине со знаком пожарного маршала на заднем стекле и с красным маячком, только маячок сейчас не горел. Ехали мимо домов, разрисованных краской из баллончика, мимо домов с заколоченными окнами, мимо домов, от которых остались пустые бассейны подвалов, густо поросшие травой и молодыми деревцами.

Они направлялись к старой школе Фрэнки – он ходил туда до того, как его перевели на домашнее обучение. Теперь он учится, сидя на кухне за компьютером. С того самого дня, который его отец называет Последней Каплей.

В тот день на Фрэнки напали толпой во время большой перемены. Его завалили на пол и по очереди пинали ногами по голове. Этому Фрэнки уже не помнит, хотя учителя показали ему запись с камеры наблюдения и ролики, которые его одноклассники успели залить в сеть.

Отец, как обычно, вез с собой большое водяное ружье – самую навороченную модель со струей повышенной мощности и большой емкостью резервуара.

У пожарных есть специальный ключ, отец показывал. Такой ключ открывает все двери. Еще один вырубает любую сигнализацию. Насчет камер отец велел не беспокоиться. Вдвоем они прошли по всем коридорам, мимо шкафчика, в котором Фрэнки когда-то хранил вещи, мимо того места, где одни ребята прыгали по его лицу, а другие снимали это на телефоны. Следов крови, конечно, не осталось, их давно оттерли.

Как обычно, отец щедро залил из ружья все вокруг – каждую доску с объявлениями, каждое школьное знамя. В коридорах теперь пахло как на заправке. Как из бака газонокосилки, как из банки, в которой отмывали малярные кисти. Потолочное покрытие настолько пропиталось, что взбухло и обвисло.

У отца был свой фирменный рецепт – стереть пенопласт в мелкую фракцию, развести бензином и добавить вазелина для густоты и текстуры. Полученный состав легко прилипал хоть к потолку, хоть к оконным стеклам, не капая и не растекаясь. Еще отец добавлял немного растворителя, чтобы уменьшить поверхностное натяжение – так состав не собирается в капли, а распределяется

более равномерно.

Сейчас, в летние каникулы, ни в каком живом уголке не осталось ни хомячка, ни золотой рыбки.

Отец прицелился и залил потолочную камеру, следящую за их действиями.

С того дня, как Фрэнки избили до беспамятства, отец никогда не смотрел на него прямо – потому что видел лишь шрам на лице. Красную линию, похожую на логотип «Найк», в том месте, где была разорвана щека. Но Фрэнки замечал, что потихоньку отец то и дело косится на его шрам – даже сейчас, когда они шли по пустым школьным коридорам вдоль шкафчиков, с которых сняты замки. С того дня отец ни разу не улыбнулся Фрэнки. Он смотрел зло, однако злость была направлена на шрам. На призрак того последнего удара подошвой. На последний день сына в государственной школе.

С больших плакатов на стенах улыбались дети из всех уголков земного шара. Они держались за руки, стоя под радугой, на которой большими буквами значились слова: «Любовь бывает всех цветов».

Отец направил на плакат струю из ружья, и его лицо сделалось страшнее всяких шрамов. Он с удовольствием влил бы горючую смесь прямо в глаза и рты тем детям, которые топтались по лицу его сына, оставив следы на всю жизнь. Водя струей по стенам, отец то и дело выкрикивал: «Я вам устрою культурный марксизм!», «Сейчас получите у меня этническое многообразие!» Плакат с радугой он залил так, что бумага обвисла и начала сползать по стене. Ружье к тому времени опустело, и отец зашвырнул его по коридору аж до кабинета школьной администрации.

– Очень скоро, сын, – сказал он Фрэнки, – я тебя сильно порадую.

Фрэнки особых поводов для радости не видел. Его мучители по-прежнему ходили в школу, как нормальные люди, никого из них на домашнее обучение не отправили. Хотя ему была приятна мысль, что теперь-то именно в эту школу ходить уже никто не будет.

– Один раз они застали нас врасплох, – продолжал отец, – но мы с ними еще поживаемся.

Фрэнки пошел за ним в уборную и подождал, пока отец вымоет руки.

– Никто больше не посмеет гадить нашей семье.

Прежде чем выходить из здания, отец достал телефон и набрал номер.

– Алло. Соедините меня с новостным директором. – Одной рукой прижимая телефон к уху, другой он рылся в кармане штанов. – Говорит пожарный маршал Бенджамин Хьюз. Поступило сообщение о крупном возгорании в начальной школе «Голден-Парк».

Нашарив в кармане спички, отец набрал другой номер.

– Алло, будьте добры, отдел городских новостей.

Он передал спички Фрэнки. Ожидая, пока вызов переведут, он прикрыл микрофон рукой и произнес:

– Сегодня это у нас пробный шар. Посмотрим, сколько их явится.

Тут его соединили, и он заговорил в трубку:

– Нам сообщили об очередном поджоге здания школы. На этот раз «Голден-Парк».

Фрэнки стоял рядом, держа наготове спички – так же как было в средней школе Мэдисон, и в школе Пренепорочного сердца Девы Марии, и в трех предыдущих. Наверное, эта будет последней, ведь все остальные отец сжег, просто чтобы истинная цель среди них затерялась. Фрэнки уже знал, как они поступят, когда отец закончит со звонками. В глубине души он понимал, что дурные части мира необходимо сжечь, чтобы спасти хорошие.

– Фрэнки, ты... – Отец присел перед ним на одно колено и взял обе его маленькие ладошки своими большими руками. – Сын, эти говнюки будут до конца жизни тебе кланяться! – Он отпустил одну руку и погладил Фрэнки по невинному, доверчивому лицу, по щеке, изуродованной шрамом. – Мальчик мой,

ты вырастешь королем! А сыновья твои станут принцами!

Он предоставил Фрэнки честь зажечь первую спичку.

Потом они вышли и заняли наблюдательный пост, чтобы пересчитать репортеров. В первый раз явились всего с пары каналов, зато потом приезжали все, даже из других городов. Серийные поджоги – сюжет жареный. Сейчас от газеты даже вертолет прислали. С радиостанций тоже подоспели. Отец Фрэнки всех отмечал и на ходу продумывал наиболее выгодные позиции. День еще не настал, но оценить сложность задачи и подготовиться следовало заранее.

И лишь произведя все подсчеты, отец Фрэнки набрал 911.

* * *

Прежде того, о чем вы уже прочли в этой книге... прежде чем эта книга стала книгой... была мечта Уолтера Бэйнса.

Еще в знакомом вам Прежнем Море Уолтер продумал свою мечту во всех подробностях.

На двадцать пятый день рождения Шасты он предложит ей прокатиться на автобусе – на том самом, что едет в горку и почти каждый день везет на работу ее маму и других уборщиц. Поздно вечером они с Шастой сядут на последний автобус и поедут мимо особняка. Не того, в котором убирается миссис Шаста, а того, который как с картинки из книжки про Скарлетт О’Хара – парадный вход с колоннадой, громоотводы, печные трубы из красного кирпича и все в окружении вековых дубов. Проезжая мимо, Шаста всегда тарасилась, разинув рот, словно собака, не спускающая глаз с белки. Увитая плющом грудка кирпича была ей как порнуха. В этот раз они тоже проедут мимо, а на следующей остановке Уолтер предложит Шасте сойти с автобуса и поведет ее назад. Особняк будет смотреть на них темными окнами. Шаста отшатнется в испуге, а Уолтер очень крепко возьмет ее за руку и очень нежно потянет за собой. Скажет: «Не бойся, это сюрприз». Они пройдут под статуей, которую Уолтер всегда считал жутко страшной. Маленькая обезьянка на постаменте отлита из такого металла, что, если тронешь его на морозе, примерзнешь намертво, и всякий, кто тронет тебя, тоже примерзнет, и так до тех пор, пока все на свете люди не смерзнутся вместе

– получится типа как лед-девять у Воннегута. Обезьянка одета в клоунский костюм – может, чтобы скакать на лошади по арене, только морда у нее закрашена белым, словно выступать она будет не в цирке, а в театре Кабуки.

Оставив позади обезьянку и желтый предупреждающий знак охранной компании, Уолтер поведет Шасту по влажной траве. В честь торжественного случая он набьет свою счастливую трубочку сортом «гиндукуш» и как истинный джентльмен первую затяжку предложит даме. Еще раз тронет карман штанов, проверяя, не выронил ли? Но все на месте, сквозь ткань штанов проступает круглая выпуклость. Примерно как полдоллара с головой Кеннеди, или как пиратский дублон, или как шоколадная монетка. Конечно, никакая там не монета, хоть и блестит – это презерватив в золотистой обертке, мать Уолтера такие продает оптовыми партиями. А кроме презерватива в кармане еще кое-что, также свернутое в колечко, только побольше и засунуто подальше.

Шаста будет дрожать от страха и холода и, едва дойдя до ступеней парадного входа, юркнет за колонну, прячась в тени от чужих глаз. В любой момент готовая кинуться наутек, она все-таки будет слушаться Уолтера. А он скажет: «Жди здесь, я за подарком» – и скроется за углом особняка.

Перепуганная Шаста останется одна в темноте: слушать треск сверчков и шипение струек воды из газонных разбрызгивателей, вдыхать всякие запахи в ночном воздухе. От бассейна будет тянуть хлоркой, из вентиляции у кого-нибудь из соседей – горячим паром и ванильным кондиционером для белья. Мимо неспешно проедет патрульная машина частной охранной компании, скользя лучами фар по живым изгородям. Шаста еще пешком под стол ходила, а этот особняк уже стоял здесь, неизменный, незыблемый, полный дыхания истории. Она всегда смотрела на него и думала, что в таком доме ей было бы ничего не страшно – и вот, пожалуйста, теперь она, съездившись за колонной, стучит зубами и щурится на экран телефона, выясняя, через сколько может подъехать ближайшее такси и не заявил ли кто о двух нарушителях на местных страничках соседского дозора.

И тут вдруг открывается дверь. Парадная белая дверь с медными петлями берет и распаивается сама по себе. Медленно, как в кошмаре. Шаста не успевает прийти в себя и кинуться бежать. Из темных недр дома она слышит шепот. Это голос Уолтера, он говорит ей: «С днем рожденья, Шаста».

Уолтер высунет голову наружу, совсем чуть-чуть, чтобы только свет фонарей успел залить белым его лицо, и поманит Шасту внутрь. «Не бойся».

Она застынет на пороге, разрываясь между страхом и своим самым большим желанием – чтобы не было больше никакого страха.

«Скорее», – поторопит ее Уолтер.

Она в последний раз оглянется на пустую темную улицу и сделает шаг.

Уолтер захлопнет дверь. Они с Шастой будут целоваться до тех пор, пока ее глаза не привыкнут к полумраку. Затем она поднимет голову, увидит под потолком медную люстру с целым лесом ненастоящих свечей, уходящую во тьму широкую винтовую лестницу. Повсюду будут резное дерево и кожаная обивка. В тишине тиканье настенных часов покажется очень громким, блики серебристого маятника будут играть в синих глубинах зеркала над каминной полкой.

Самое лучшее в Шасте то, каков ее рот на вкус. Уолтер может сказать по опыту: будь девчонка хоть трижды красивой, со всеми буферами и булками, с длинными ногами и милым маленьким носиком, но если рот у нее поганый на вкус, она не лучше порнухи. А у Шасты рот внутри как высокофруктозный кукурузный сироп, каким пропитаны коктейльные вишенки, вымоченные в желатине с красным пищевым красителем. Как яблочный штрудель, весь сложенный сахарными корочками. Язык у нее – будто маленькая змея, выползающая из чешуек сброшенной кожи. Струющаяся, полурасплавленная, облитая сиропом гибкая змейка, то ли садовый уж, то ли мини-версия удава скользит по языку Уолтера, подбираясь к горлу изнутри, так что во рту у него получается не то серпентарий, не то венская кондитерская, и на вкус это просто восхитительно.

Шепотом она спросит его про сигнализацию, он кивнет вверх. Шаста поднимет взгляд и увидит там высоко на стене камеру, а он покажет ей поднятый большой палец – мол, все о'кей. Объяснит, что взломал охранную систему – отключил сигнализацию удаленно, еще до того, как они сели в автобус. Нашел незапертое окно и спланировал все заранее, за много недель. Никто не узнает, что они здесь были.

В качестве неоспоримого доказательства того, что он не просто укуренный сжигатель клеток головного мозга, он расскажет ей про анализ сетевого

окружения и подбор эксплойтов. Побряцает перед ней гениальными криптографическими ключами, ведя ее к лестнице.

Шаста будет упираться, мямлить про хозяев, про огнестрел, про неприкосновенность жилища, доктрину крепости и все такое.

А он объяснит, что все продумал. Если их застукают, он скажет, что заманил ее сюда обманом. Хотел изнасиловать и удушить. Он маньяк. Его жертвы лежат в неглубоких могилах по всему западному побережью. Наврал ей, что это его дом, а сам собирался сделать из ее черепа миску и насыпать туда хлопья по утрам. Ее кровью он задумал написать «Хелтер Скелтер» на стеклянной дверце винного шкафа. Короче, ей как без пяти минут жертве расчленения ничего не сделают. Тем более сейчас все равно никого нет дома, он проверил. А в подтверждение своих слов он достанет из кармана и покажет Шасте удавку. Свернутую в кольцо тоненькую проволочку с деревянными шайбочками на обоих концах, чтоб удобней было затягивать. Вот она, ее охранный грамота от полиции. Презервативы он тоже покажет. Пускай успокоится.

Секс есть секс, но когда он замешен на опасности – это еще круче. От вида удавки, от риска попасться Шаста намокнет быстрее, чем со слов «идем, я покажу тебе мою комнату для игр». Они сплетутся в узел и будут трахаться до полусмерти. Они освятят собой каждую комнату. Если в этом доме будет сейф – за картиной или за стенной панелью, – Уолтер его найдет. Прижавшись ухом, он будет потихоньку проворачивать колесико, слушая щелчки. Шаста не успеет даже потребовать, чтобы он прекратил, а он уже распахнет тяжелую дверцу. Денег они возьмут ровно столько, чтоб хватило на два билета первым классом до Денвера.

В Денвере Уолтер снова прокатит Шасту на автобусе в пафосный район шикарных домов. На телефоне он покажет ей, как провел реверс-инжиниринг системы безопасности, легко, в два счета, и она пойдет за ним вдоль стены дома к незапертому окну.

Прежде в глазах Шасты он был обычным подзаборным торчком. Вечно обдолбанным ничтожеством. Денег у него хватает только на самую дешевую, бросовую траву пополам с семенами и стеблями. Живет он у мамки в подвале, и водопроводные трубы там урчат, как вздутый живот, готовый пропердеться. Шасте Уолтер, конечно, нравится, но не настолько, чтобы выйти за него замуж.

А там, в Денвере, она уже будет смотреть на него совсем иначе. Увидит другую его сторону. Опасного парня, Робин Гуда наших дней, который может дунуть-плюнуть – и распахнуть любую дверь. Может контрабандой переправить ее в другой, запретный мир, мир богачей. Они будут трахаться на медвежьей шкуре у камина, затем бросят склизкий презерватив в ревущее пламя, затем выпьют ворованного вина под хрустальной люстрой, а затем, пока Шаста моет бокалы и ставит все по местам, Уолтер найдет следующий сейф, на этот раз спрятанный под двойным дном пустого ящичка в ванной комнате. Конечно же, за минуту его вскрыет и достанет оттуда ровно столько, сколько надо на билеты до Чикаго.

Этот новый, незнакомый, опасный Уолтер Шасту совершенно покорит. В Чикаго будет повторение Денвера, а за ним последует Миннеаполис и Сиэтл. Шаста будет называть его хер «членом милосским» – с уважением и благоговейным трепетом. А в Миннеаполисе даже разок забудется и назовет Уолтера «папулей». Из Сиэтла они улетят в Сан-Франциско и ловко проскользнут мимо швейцара в какой-нибудь крутой небоскреб, где будут сплошное ар-деко, гламур и пафос. Разумеется, совершенно случайно они решат провести ночь именно там. Уолтер взламывает код лифта и доставит Шасту напрямую в пентхаус. На своем телефоне он покажет ей вид с каждой камеры наблюдения, чтобы она не волновалась – в квартире никого нет.

Шаста постоит у лифта на стреме, а он быстренько вскрыет замки и поманит ее за собой. Еще раз напомним ей сценарий на экстренный случай: он – серийный убийца, она – его невинная жертва. А на самом деле оба они в преступном сговоре. Наутро они уже будут прогуливаться вдоль пирса в Саусалито. На сей раз Уолтер покатает Шасту на яхте. Нет, паруса они поднимать не будут – не такой он позер, – просто выйдут в бухту на моторе и позагорают, вдыхая соленый воздух.

Лежа в шезлонге и щурясь от солнца, Шаста попросит его: «Покажи мне еще раз». И Уолтер, конечно, сразу достанет удавку и продемонстрирует, как легко и быстро эта проволока может охватить ей шею. Просто для ее, Шастино, спокойствия.

В шкафчике на вешалках будут аккуратно рядами висеть купальники самых разных моделей и расцветок – и все идеального размера «Шаста».

Уолтер не из таких, которых интересуют только сиськи или только ноги, Шаста – его идеал вся целиком. И этот идеал будет лежать, растянувшись на шезлонге в

бикини, и покуривать сорт «дурбан пойзон» до тех пор, пока ее кожа не запылает и не станет цветом как салями. Вечером Уолтер поставит яхту на прикол и снова примется искать сейф – теперь спрятанный на камбузе, в стене рядом с полочкой для специй. Они отсчитают денег ровно на билеты и улетят в Сан-Диего.

Все еще чужие в раю... Шасте, конечно, очень нравится путешествие по миру гламура и нравится он, мистер Опасный Отморозок. Однако замуж за такого она никогда не пойдет, и он это понимает.

Но пока не кончились ее каникулы, их ждут другие города. Из Сан-Диего они упорхнут в Новый Орлеан, а оттуда в Майами. На шикарной вилле у самого океана они будут заниматься любовью на кровати с балдахинном – под шум прибоя, в свете полной луны, льющемся из огромных окон. И ровно в ту самую минуту, когда они очнутся от доставленного друг другу неземного блаженства, кто-то ударом ноги распахнет двери спальни. Отряд людей в форме ворвется в любовное гнездышко и наставит на Шасту пушки. Вспыхнет яркий свет, она взвизгнет, пытаясь прикрыться влажными простынями. И завопит невпопад, совсем не так, как Уолтер с ней репетировал: «Он маньяк! Он наврал мне, что тут живет! Он меня задушить хотел!» Все-таки актриса из нее никакая.

А люди в форме, не слушая ее, гаркнут: «Полиция! Руки за голову!»

И так закончится их криминальный вояж. Бонни и Клайд, не пролившие ни капли крови, еще мокрые от слюны и пота друг друга. Уолтер неловко вылезет из постели, медленно, не делая резких движений, нашарит на полу штаны, выудит и предъявит водительское удостоверение. Затем с поднятыми руками и все еще стоячим членом, на котором белым флагом болтается мокрый презерватив, пройдет через комнату к элегантному антикварному комоду.

Кутаясь в простыню, Шаста будет заливаться слезами: «Спасибо вам! Слава Богу! Вы спасли меня! Он говорил, что любит, а сам решил меня погубить!»

Уолтер попросит полицейских открыть комод – самому-то ему это сделать не позволят. И там будут лежать документы на собственность со всеми положенными печатями и тем же именем, что и на предъявленном водительском удостоверении. Его именем. Уолтер непринужденно улыбнется и с интонацией потомственного аристократа произнесет: «Я хозяин этого дома, господа».

Плач тут же оборвется, и голос Шасты выпалит: «Чего?!» От уголков губ вверх у нее будут тянуться едва заметные багровые полосочки от красного вина – как усы Сальвадора Дали.

Уолтер все ей объяснит. Они ничего не нарушали, потому что он хозяин. Хозяин всех этих домов и квартир, от Денвера до Майами. Он знал и коды сигнализации, и комбинации к сейфам. И деньги в этих сейфах были его. Он сам оставил окна незапертыми, сам дал на лапу швейцарам, чтобы они «ничего не заметили». Яхта тоже принадлежит ему, и купальники для нее он подбирал самолично.

Разумеется, и полицию он вызвал сам.

Уолтер невозмутимо стянет и отбросит в сторону презерватив. Он не просто бесшабашный отморозок, умеющий ловко катить по жизни, как на скейте, обходя все углы и препятствия, и увлекать даму за собой. Нет, он еще и богат. Он старый добрый Уолтер, который Шасте так нравился, но теперь у него на счету сумма со многими нулями. Он тот же, но поводов любить его стало гораздо больше.

И прямо так, голый, в присутствии вооруженной полиции, он опустится на одно колено перед голой Шастой. Из кармана брошенных на полу штанов – того же самого, где хранилась удавка, – достанет кольцо и спросит: «Выйдешь за меня?»

А в кольце будет сверкать вот такенный бриллиант.

И тут же явятся официанты в белоснежных рубашках, а на подносах у них и клубника в шоколаде, и чипсы со вкусом «Маунтин-Дью», и чесночный попкорн с королевской порцией сырного соуса. Уолтер забудет хорошую такую трубку мира праздничным, фиолетовым сортом, и даже копы с охотой к ней приложатся. На медовый месяц Уолтер с Шастой отчалият на собственный тропический остров с целыми полями сорта «уайт рино» и будут жить там долго и счастливо. Ну, туда – или под геодезический купол, спрятанный на дне океана, с полностью автономной системой жизнеобеспечения. Только он и Шаста – и многоцветная галактика подводного мира над головой.

Короче, предложение Шасте он задумал сделать именно так.

Только пока он мало что из себя представляет. Слишком мало, чтобы стать для кого-то всем.

Поэтому для начала надо добыть херову кучу денег.

* * *

Твид О'Нил и ее команда прибыли к объятый ревушим пламенем школе раньше пожарных машин. Только пожарный маршал, конечно, был уже на месте. Скоро сюда приедут и с других телеканалов, начнут возиться с камерами, стремясь заснять огонь с самого выгодного ракурса.

За последнее время это уже четвертая полыхающая школа. Все журналисты работали по одному пресс-релизу, но на этот раз Твид заготовила тайное супероружие. На сцену выйдет старший профессор гендерных исследований Орегонского университета доктор Раманта Штейгер-Десото. Весьма телегеничная ученая дама с поставленной речью, готовая дать комментарий относительно поджогов со своей, научной точки зрения. Твид написала ей из студии, попросив подъехать прямо к школе.

Интервью предполагалось снять прямо на фоне спортзала, медленно оседающего в фонтанах оранжевых искр. Они с профессоршей уже заняли местечко с хорошим обзором на безопасном расстоянии, дожидаясь, пока оператор настроит фокус, а звукотехник прикрутит микрофон к лацкану профессорского тренчкота.

В наушнике Твид слышала, как в студии в прямом эфире обсуждают пожар. С минуты на минуту они должны переключиться на репортаж с места событий – то есть на нее. Она окинула взглядом конкурентов. Не подготовился никто. Они не добавляют к сюжету ничего нового, только передают из рук в руки пожарного маршала, который перечисляет каждой группе одни и те же факты.

Ученую даму не выводил из равновесия ни яркий свет прожектора, ни клубы едкого дыма. По толпе прокатился слух, что в здании есть газовый баллон, который взорвется в любую секунду, но доктор Штейгер-Десото была твердо намерена озвучить свои соображения по поводу происходящего. Доктор Штейгер-Десото – высокая, почти на голову выше Твид, с прямой спиной и

вьющимися светлыми волосами, убранными в аккуратный пучок, олицетворение серьезного социолога, который готов взять на себя задачу просвещения народных масс.

Оператор приткнулся к камере и пальцами дал сигнал: «три, два, один, эфир».

– С вами Твид О’Нил, репортаж с места событий. Мы наблюдаем очередной большой пожар, горит уже четвертая местная школа за лето.

Оператор сменил ракурс так, чтобы в кадр попала и гостья программы.

– Сегодня рядом со мной доктор Раманта Штейгер-Десото, которая приоткроет нам возможные мотивы поджигателей. – Твид повернулась к элегантной профессорше. – Каковы ваши мысли, доктор?

– Спасибо, Твид, – спокойно ответила профессорша.

Необходимость выступать перед огромной аудиторией в прямом эфире ничуть ее не смущала. Глядя прямо в камеру, она заговорила:

– По официальным данным, виновными в поджогах чаще всего оказываются белые мужчины в возрасте от семнадцати до двадцати шести лет. Акт поджога воспринимается ими как сексуальный...

Тут, будто по заказу, в глубине здания взорвался злосчастный газовый баллон. Низкий, раскатистый грохот исторг у собравшейся толпы глухой стон.

А доктор Штейгер-Десото продолжала:

– Для пироманьяка разбрызгивание горючей жидкости равносильно извержению эякулята, акту унижающего изнасилования применительно к сжигаемой конструкции...

Пламя, взрывы и секс сулили программе золотые рейтинги, однако, опасаясь, что такой высоколобый стиль изложения будет недоступен зрительской аудитории, Твид решила направить комментарий в более приземленное русло.

– Но кто это может быть?

– Мужчина, изолировавший себя от общества, – ответила доктор тоном человека, твердо знающего, что говорит. – Приверженец правых взглядов, отравленный токсичной маскулинностью движения так называемых «мужчин, идущих своим путем». Среди таких и следует искать виновного.

Твид попыталась немного разрядить атмосферу шуткой:

– Так значит, Морин Дауд была права? Терпеть рядом с собой мужчин – слишком дорогая плата за сперму?

Доктор Штейгер-Десото слабо улыбнулась.

– На протяжении многих поколений в массовой культуре продвигается идея, что каждый мужчина рано или поздно займет высокое положение в обществе. Сегодняшние молодые люди по всему миру растут с уверенностью, что власть и успех положены им по праву рождения.

Время поджимало, скоро вещание должно было прерваться на рекламную паузу. Чтобы подвести свой сегмент к логическому завершению, Твид задала вопрос:

– Видите ли вы какое-то решение проблем с нынешними молодыми мужчинами, доктор?

Подсвеченная ревушим за спиной адским пламенем, доктор объявила:

– Мужчины должны понять и принять свой невысокий статус в обществе. Нависшая над нами война будет для них прекрасной возможностью делами заслужить общественное признание.

Твид подвела к рекламе:

– Спасибо, доктор. Это была Твид О’Нил с репортажем об очередном бессмысленном разрушении социально значимого объекта.

Оператор дал сигнал «снято».

Пытаясь отцепить пришпиленный к лацкану микрофон, доктор вдруг подняла глаза и пристально уставилась на что-то в отдалении.

– А чем это он там занимается? – спросила она.

Твид проследила за направлением ее взгляда и увидела пожарного маршала. Маршал как будто считал собравшийся народ по головам. Он не спеша осматривал толпу репортеров и делал какие-то пометки в блокноте. Встретившись глазами с Твид, он невозмутимо провел в блокноте линию, словно вычеркнул строку из списка.

Лишь тогда Твид заметила рядом с ним маленького мальчика. По возрасту, наверное, младшекласник, со странным шрамом через всю щеку. И тут же подумала: это ведь так мило! Окружной пожарный маршал привел сыночка посмотреть, как папа работает.

Следовало непременно сделать трогательную зарисовку о семейных ценностях – отлично пойдет в утренней программе.

* * *

Для Гаррета Доусона все решили кофейные фильтры. Утром, стоя над кофеваркой, он обнаружил, что фильтры почти закончились. Опять. Выпито еще пятьсот кофейников, прожит еще год. Даже больше года. Он стареет.

Гаррет осознал этот факт, когда заметил у себя привычку смотреть на какой-нибудь предмет – часы, цветочный горшок, книгу, – прежде чем переводить глаза на свою жену Роксану. Если где-нибудь в гостях он говорил с молодыми женщинами, с чьей-нибудь дочкой-подростком... или даже просто смотрел прогноз погоды по телевизору и переводил взгляд с гладкого юного лица сразу на Роксану, контраст ужасал слишком сильно. В молодости его жена была красавицей, но молодость давно прошла. Теперь глазам Гаррета требовалось промежуточное звено между юностью и женой. Пепельница, гаечный ключ – что-нибудь неживое. То, что не человек.

Гаррет заметил, что и Роксана делает то же самое. Если на экране молодой красивый актер, она каждый раз несколько секунд изучает свой попкорн, прежде чем обернуться на Гаррета. Возможно, он все выдумал. Возможно, он лишь приписывает ей свое собственное поведение. Но это напоминало Гаррету о том, что он и сам постарел.

В книге Толботта об этом сказано очень хорошо:

Красивые люди обретают власть потому, что к ним рано приходят осознание природы власти и страх ее потерять. Те, кто красив в молодости, учатся трансформировать власть, что дана им, инвестируя ее в смежные формы. Юность они переводят в образование. Образование инвестируют в полезные контакты, в знания и опыт в профессиональной сфере. Деньги они вкладывают в устаревшую форму власти – финансовую подушку.

Поэтому важно, чтобы у денег был срок годности.

Власть, передаваемая из поколения в поколение в абстрактной форме богатства, ведет к неравенству и коррупции.

Нельзя копить деньги ради накопления. Деньги должны постоянно работать на благо общества.

Кофейные фильтры были последней каплей. На днях в цеху к нему подошел Леон и понес какую-то чушь про захват государства и реформирование нации. Звучало бредово, но Гаррет был уже готов ввязаться в любой бред, лишь бы не наблюдать, как очередная пачка из пятисот кофейных фильтров отмеряет собой остаток его жизни. Гаррет насыпал молотый кофе в последний фильтр, залил воду, нажал на кнопку, и кофеварка загудела.

– Кофе будет через минуту, – крикнул он Роксане в соседнюю комнату и добавил: – Я выйду ненадолго.

Надо позвонить Леону. Встретиться с ним у паба. Выяснить, что там за чокнутая схема и не шутка ли это. Леон дал ему книгу в иссиня-черной обложке, и в книге этой говорилось:

Представьте, что нет никакого Бога. Нет ни ада, ни рая.

Есть только ваш сын и его сын, и его сын, и мир, который вы им оставите.

Роксана из столовой спросила, куда он направляется.

Надев куртку, Гаррет проверил в карманах телефон и ключи. Заглянул в гостиную. Жена сидела за обеденным столом и заполняла налоговые документы.

– Фильтры кофейные все закончились.

Она замерла и после долгой паузы, не поднимая глаз, спросила:

– Что, уже?

В ее голосе слышалась обреченность. Да, Роксана тоже чувствовала, как жизнь летит мимо. И это еще один повод принять радикальные меры.

Наклонившись к ней, Гаррет прошептал:

– Я все улажу.

И поцеловал ее в лоб.

* * *

В эпоху религии над всяким городом возвышался собор или мечеть. На фоне величественных куполов и шпилей все прочие здания припадали к земле. Потом настала эпоха коммерции. Небоскребы и бесконечные колонны банков затмили

собой храмы. Заводы переросли самые крупные из мечетей, складские помещения накрыли своей тенью соборы. Не так давно наступила эпоха чиновников, и здания государственных органов взорвали собой горизонт. Колоссальные монолиты, содержащие в себе такую власть, какая не снилась ни коммерсантам, ни святошам. Пышные сосуды для защиты и демонстрации могущества законодателей и судей.

В последние недели перед назначенным днем простые смертные шли в эти крепости в напускном благоговении, щелкали телефонами и камерами, бродили в великих стенах под видом туристов – бестолковых зевак, которые то и дело теряются и забредают туда, куда им допуска нет. Ну заблудились, с кем не бывает? Они прикидывали возможные пути к отступлению. Выбирали точки, с которых удобнее вести обстрел.

Любуясь пышными люстрами, вытягивая шеи, чтобы рассмотреть великолепии фресок и взмывающих ввысь золоченых сводов, они понимали, сколько на это все пошло еды. Еды, которую можно было съесть. Еды, которую у них отобрали. У них отобрали уверенность в завтрашнем дне и построили вот эту мраморную лестницу. Из них высасывали жизнь, чтобы украсить эти стены красным и розовым деревом и прочими заморскими изысками для комфорта и удовольствия правящих элит. И вот чернь бродила по государственным хоромам разинув рты и вроде как раболепно восхищалась величию зданий и населяющих их властителей.

Люди перешептывались, составляли маршруты, снимали видео. Они начинали видеть, как выполняют свою суровую задачу.

Им всем была известна истина: копящий еду портит ее, копящий деньги портит себя, копящие власть портят человечество.

Нет смысла наделять правом голоса каждого дурака. Пусть умнейшие, сильнейшие, храбрейшие имеют по сто, по триста, по тысяче голосов, а ленивые слабаки – ни одного. Никто больше не станет горбатиться на праздный класс, чтобы выжить. Праздные должны работать.

На цыпочках ступали они по коридорам власти. По воздвигнутым их потом и кровью статным зданиям, в которые они слишком долгое время отправляли себя через посредников. Теперь они пришли своими глазами посмотреть на

благородные декорации, в которых жизнь их вскоре закончится или начнется.

Глядя снизу вверх на высокие гранитные своды или сверху вниз на бескрайние поля отполированного мрамора, они чувствовали себя маленькими и слабыми. Однако набившись тесной массой на зрительской галерке – колено к колену, локоть к локтю, – они могли оценить немногочисленность народных избранников и проникнуться своей неуязвимостью.

Людей раздражали престарелые экскурсоводы, которые собирали их гуртом, как скот, и пасли, декламируя заученные, одобренные сверху тексты о значении каждого флага и статуи. Люди осмеливались представить, как разлетится брызгами хрусталя расстрелянная люстра. Они уже видели, как порежут все живописные полотна на стенах, как сбросят с пьедесталов статуи, превратят их в братскую могилу из крошева мраморных пальцев и голов.

Закрывая глаза, люди представляли, что высокие окна уже стоят разбитые и воробьи выют гнезда под золочеными потолками.

Журналисты приписывали внезапную вспышку интереса к правительственным зданиям подъему патриотических настроений. Возрождению духовных скреп между гражданами и нацией. В принципе, суть они уловили верно, хотя промахнулись в нюансах. Тех, кто посещает государственные учреждения, СМИ представляли паломниками, которые идут на поклон к властям предрежащим. Видели в этом грядущий мир и сотрудничество – и на сей счет также не ошиблись, хотя вряд ли представляли себе форму, которую примет и то, и другое.

Но пока любопытствующие ступали по коридорам власти, держа очи долу. Старательно показывая, что хорошо знают свое место, они почтительно уступали дорогу местным – всякому стажеру, всякой мелкой сошке.

Несколько дней подряд зеваки наводняли собой все присутственные места. А потом – будто кран закрыли – наплыв туристов вдруг прекратился. Остались лишь те, кто пришел по делу. Они обменивались рукопожатиями с дежурными охранниками и кивками друг с другом. И те, кто в форме, и те, кто в штатском, взглядами подтверждали готовность к намечающимся необходимым событиям. Все они участвовали в заговоре и готовились к совместным действиям в назначенный день.

* * *

А пока, скорчившись в чулане под лестницей в южном крыле, Ник сказал:

– Ну, не знаю. Мне раньше очень даже нравилась полиция.

Они притулились к стене из коробок, в которых хранилась форма университетского оркестра. Кое-где из-под лопнувшего картона торчали золотые аксельбанты, и медные пуговицы поблескивали в полумраке, как сокровища.

У Шасты затекли ноги. Тут, поди, мигом надышишься асбестом и канцерогенной меловой пылью. Доказано, что тальковая присыпка вызывает рак шейки матки, а она ведь из мела. Мир завис на грани войны, а Шаста сидела в тесном чулане, прижавшись бедром к бедру Ника, и ей тут нравилось. И разговаривать нравилось. Разговор лицом к лицу – это настоящее. Не то что по телефону.

Ник жаловался: мол, раньше правду искать не приходилось. Открой газету – и вот она. Так было, пока не вышел некролог о его отце: «Любимый муж и отец умер в результате геморроидального инсульта...». Дурацкую ошибку тут же подхватили в сети и превратили в мем. На имиджбордах и сотнях новостных сайтов множились демотиваторы – обычно фотографии Рональда Рейгана или Гора Видала с надписью сверху: «Умер от...» – и снизу: «... геморроидального инсульта!!!»

Понятное дело, что инсульт был геморрагический и к геморрою не имел никакого отношения. Отец Ника косил лужайку перед домом, когда в мозгу у него лопнул сосуд. Маленький некролог, и даже в нем газетчики ухитрились сделать такой идиотский ляп.

Шаста выразила сочувствие. Попыталась объяснить.

На занятиях по методологии средств массовой информации доктор Бролли говорил, что современную прессу, под которой мы понимаем объективное отражение ежедневных новостей, убили площадки вроде «крэйгслист», «ибэй» и иже с ними. Основные доходы газет всегда шли от публикации частных объявлений. От страниц, на которых бесконечным мелким шрифтом

предлагались аренда квартир, подержанные машины, щенята в хорошие руки, горящие вакансии, женщины для серьезных отношений и мужчины без вредных привычек. Именно на таком фундаменте зиждился массив «четвертого сословия».

На объявлениях о гаражных распродажах, сиамских котятках с родословной, скупке предметов времен Второй мировой и декоративной керамики, кубометрах выдержанных дров прошлогодней рубки – на всем этом держались старейшие политические династии. По пять центов или по доллару за слово – эти страницы были золотой жилой, питающей высокую культуру: редакционные колонки, литературные рецензии, журналистские расследования, удостоенные Пулицеровской премии. Если верить доктору Бролли, получалось, что жемчужинами печатного слова мы обязаны тем беднякам, что пытаются сбыть с рук коллекцию бутылочек из-под одеколонов «Эйвон» и простаивающие отпускные квартиры.

Каждый год доктор Бролли говорил очередной группе студентов: «Кинематограф существует благодаря тому, что вы готовы платить по пять долларов за попкорн». Никчемный попкорн держит на себе премию «Оскар» и весь сияющий мир кино. Никчемные объявления о никчемном хламе держали на себе колоссальные газетные империи. А стоило газетам утратить достоверность, веры всему прочему тоже как-то не стало. Никто не подскажет вам, где истина, где ложь, где честное качество, а где дерьмо собачье. Без цензора, без арбитра всему теперь одна цена.

Доктор Бролли задавал им читать «Общество братьев и сестер» Роберта Блая. Книга повествовала о произошедшей утрате традиционной иерархии. Нет теперь ни патриархов, ни матриархов, отцы и дети уравнились в статусе. Никому не охота быть взрослым, учителем, наставником, все хотят быть друзьями-товарищами, равными по рангу – короче, братьями и сестрами.

Доктор Бролли предупреждал, что это расплющивание социальной иерархии в будущем ведет к популизму. Власть будет принадлежать не узкому кругу просвещенных мудрецов, а широким массам, управляемым жадностью и эмоциями.

– Ты в курсе, что он всегда под кайфом? – перебил ее Ник.

– Роберт Блай? – растерялась Шаста.

– Нет, Бролли твой.

И Ник рассказал, что у профессора трансдермальный пластырь; это видно, когда футболка задирается. Что каждое первое мая Бролли надевает специальную футболку – она белая вся, кроме подмышек, а на груди красная надпись: «Команда комми». Что он гомосек, все знают. Что пластырь у него с фентанилом. А в другие дни на футболке у него написано «либераст на лимузине» или «шампанский социалист».

В Орегонском университете любой студент мог опознать фентаниловый пластырь или перкосет хоть со спутника.

Сидя на корточках в пыльном чулане под лестницей, Ник пересчитал по пальцам все, во что когда-то верил. Санта-Клаус, пасхальный кролик, зубная фея, религия, ежедневная газета «Орегониан», правительство, доктор Бролли, полиция. Ты учишься, а история и география меняются прямо на ходу. Не успел сдать экзамен, как полученные знания устарели. Кому и во что верить? Он хотел бы прочитать сообщения на телефоне, но боялся вставить батарейку – вдруг его сразу запеленгуют?

Шаста проверила свой телефон. Уолтер не писал, и его мама не ответила. Шаста размышляла, примут ли от нее заявление о пропаже человека, если она этому человеку просто подружка. Звучало тупо. Правда всегда тупо звучит. Но Шаста все-таки сказала:

– Может, всем надо начать верить себе. – И закрепила успех: – Себе ты должен верить, вот кому.

Ник злобно смотрел на нее, пока она не опустила глаза. И тогда потребовал:

– Выкладывай, короче. Что там Уолтер знал об этом великом заговоре?

* * *

Когда Пайпер закончил читать, кастинговая комиссия распустила остальных претендентов. Видимо, роль он себе обеспечил. Однако комиссия не спешила заканчивать пробы. Они хотели, чтобы он сделал еще несколько реплик – для верности. Реплики были написаны на больших карточках от руки, их держали возле камеры. По большей части это были какие-то общие фразы. Например: «Мы должны отринуть прежние системы измерения и сами определить, что есть минута...». Что ж, задача актера – сделать фальшивое правдоподобным. Превратить воображаемую солому в осязаемое золото.

– Моменты времени – это кирпичи, из которых строится наша жизнь. Жизнь не должна измеряться выходными днями. Наше пребывание на земле не должно оцениваться по размеру заработной платы и налогов.

Как только Пайпер зачитывал одну карточку, ассистент менял ее на следующую.

– Я Толботт Рейнольдс, абсолютный монарх, избранный Советом Племен.

На этом месте члены комиссии пошушукались, и режиссер попросил еще дубль – тоном пожизнерадостней.

Пайпер добавил в голос улыбку.

– Я Толботт Рейнольдс. – Он чуть приподнял голову, чтобы взгляд стал более открытым и располагающим. – Абсолютный монарх, избранный Советом Племен.

На следующей карточке был некий «параграф седьмой Декларации Взаимозависимости»:

Копящий еду портит ее. Копящий деньги портит себя. Копящие власть портят человечество.

Члены комиссии несколько раз пересмотрели запись, удовлетворенно покивали друг другу и велели ассистенту давать следующую карточку.

– То, что вас легко любить, не гарантия, что вас полюбят! – зачитал Пайпер.

– А теперь с двойным восклицанием, – распорядился режиссер и добавил: – Пожалуйста.

Очередная карточка гласила: «Мы навязываем людям чужую судьбу, пренебрегая своей собственной. Так мы губим жизнь и себе, и ближним».

Пайпер читал эту напыщенную бессмыслицу торжественно и с достоинством.

– Всякий должен следовать своему пути и не мешать другим выбирать свой. Надлежит уважать друг друга и не пытаться навязывать окружающим цели.

Подошел здоровенный амбал, от которого пахло бензином и то ли порохом, то ли петардами. Сложенной бумажной салфеткой он бережно промокнул Пайперу лоб.

Опять та же карточка: «Я Толботт Рейнольдс, абсолютный монарх, избранный Советом Племен». Дубль вышел неудачный, потому что у Пайпера заурчало в животе.

Теперь режиссер попросил сделать акцент на том, что дано крупным шрифтом. Пайперу не требовалось объяснять.

– Я Толботт Рейнольдс, высший аристократ, главнокомандующий сановник, великий маг, абсолютный монарх...

Перечень тянулся бесконечно, и Пайпер вложил в него всю душу.

* * *

Как люди ходили взглянуть на последние дни работы государственных органов, ту же дань они отдавали и другим учреждениям, которые должны были вот-вот кануть в прошлое. Сонмы зевак собирались вокруг журналистов, снимающих репортажи о происшествиях. Журналистам такое внимание втайне льстило – как свидетельство их авторитета в обществе. На лекциях почтенных академиков собирались полные залы слушателей – слушателей, знающих, что лекции эти прощальные. Заслуженные академики, лауреаты всего-чего-только-можно

воспринимали молчаливые толпы в своих аудиториях как комплимент. Впервые за многие годы они чувствовали, что будущее сулит им нечто хорошее. Как и журналисты, они жестоко ошибались.

На образование люди тратили большие деньги и получали за них слишком мало. На средства массовой информации они тратили время и внимание и не получали ничего.

Зеваки смотрели на профессоров и журналистов не с почтением, а с жалостью и злостью. Кто-то – с грустью и брезгливым любопытством, как могли бы смотреть на последний уцелевший экземпляр почтового голубя. Люди понимали, что завтра всего этого не станет – ни новостей по телевизору, ни лекций в университетах. Произойдет событие, которое отделит будущее от прошлого. Люди смотрели на закат вымирающих профессий, чтобы когда-нибудь рассказать о них своим потомкам. С ностальгией созерцали пустую силу чиновника, журналиста и профессора и безмолвно прощались с ними.

* * *

Снаружи респектабельное старое здание принца Люсьена Кэмпбелла выглядело один в один как дом Ашеров из книжки Эдгара По. Старинные стены учебного корпуса нависали над Джамалом, заслоняя ночное небо, темное, как воды Стикса. В далеком окне горел свет – мягкое сияние лампы за желто-зеленым витражом, – и курился дымок над одной из полуобвалившихся печных труб. Значит, кто-то засиделся до глубокой ночи.

Джамал подал Кейшану знак идти первым. Вдвоем они раскрыли узорные дубовые двери с рыжими от ржавчины петлями и зашагали по коридорам. Под ногами хрустела гипсовая крошка, осыпавшаяся с потолка, в полумраке над головой хлопали крыльями летучие мыши. Реликты минувшей эпохи, изысканные золоченые канделябры на стенах источали неверный свет – трепещущий и слабый, как от старинных газовых фонарей.

Джамал и Кейшан шли по лабиринту узких коридоров, поднимались по крутым лестницам, вдыхая чердачные запахи древней пыли и сажки. Камень и дерево хранили здесь такую тишину, что лишенный пищи слух рождал галлюцинации. Джамалу мерещились слова и голоса, нестройный хор многих тихих голосов, похожий на шум воды – словно целая толпа призраков шушукается под

отсыревшими сводами.

Зловонные помещения сменяли друг друга – убитые кабинеты, тесные кельи, в которых когда-то корпели над книгами ученые мужи, уходящие во тьму библиотечные полки с обросшими пышной плесенью рядами кожаных корешков. Черные пятна расплзались по элегантным бархатным портьерам. Где-то капала вода, метрономом отсчитывая секунды. По жутким переплетениям ветвящихся коридоров Джамал и Кейшан шли мимо затхлых пещер лекционных залов, в которых наверняка притаились неприкаянные души гуманитариев. Притаились и жаждут мести. Оно и понятно. Скольким поколениям вдабливали в головы худшие направления социальной инженерии, накачивали вредоносными идеями до тех пор, пока узаконенная ложь полностью не заменила всякую способность мыслить самостоятельно. Призраки, блуждающие по старому учебному корпусу, не найдут покоя, пока Джамал и Кейшан не получат ответы, за которыми сюда пришли.

Они долго бродили по этажам и наконец уловили в тишине звук – кто-то взял ноту на фортепьяно. Заиграла музыка – Шопен, ноктюрн ми-бемоль мажор. Она привела Джамала и Кейшана в незапертый кабинет. Вернее, в целую анфиладу душных комнат, и в самой дальней из них они обнаружили свою цель.

Это были внутренние покои, роскошный оазис под самой крышей. Безлюдный – все лакеи великого хозяина разошлись по домам. Стены здесь украшали великолепные панели из розового грецкого ореха, тихо потрескивал огонь в камине, заключенном в резной итальянский мрамор с амурчиками и геральдическими фигурами. Для заслуженной профессуры Орегонского университета довольно типичный интерьер. Лунный свет заливал витражные окна, причудливые цветные отсветы ложились на восточные узоры элегантного персидского ковра.

В качестве актуальных акцентов в кабинете присутствовали заключенный в рамочку плакат с Че Геварой над каминной полкой и перевернутый флаг США – также в рамочке над антикварным письменным столом. Один край у флага почернел от сажи – когда-то давно его пытались сжечь на акции протеста. На столе красовались редкие букинистические издания и дорогостоящие безделушки. Взгляд Джамала привлекла пожелтевшая фотография Эммы Гольдман с автографом, установленная на маленьком инкрустированном камнями пюпитре. Рядом лежал старинный мавританский ножичек для бумаги.

Сам великий дремал в глубоком кожаном кресле, уронив на грудь раскрытый экземпляр «Правил для радикалов», наполовину спрятанный под седой бороденкой. Несмотря на бороду и книгу, слоган на его футболке по-прежнему читался. Он гласил: «Феминизм – это я».

Хлопковые штаны на веревочке были закатаны до колен, сморщенные бледные стопы покоились в небольшом пластиковом тазике с водой. Над поверхностью воды курился пар, рядышком на полу ожидало аккуратно сложенное полотенце.

Возле кресла размещался маленький столик, настоящее произведение искусства, а на нем – хрустальный графин с янтарным шерри и крошечный бокал, еще хранящий следы изысканного напитка.

Джамал и Кейшан прокрались в кабинет на цыпочках, глаза по сторонам. Они знали цену этой роскоши – за нее было уплачено по?том и разбитыми мечтами бесчисленных студентов, избравших путь гуманитарных наук. Мелодия Шопена звучала из того угла, где крутилась под иглой старинного граммофона черная, как оникс, пластинка.

Досточтимый ученый, доктор Эммет Бролли, заморгал и проснулся.

– Чему я обязан такой честью? – поинтересовался он.

Взгляд его слезящихся глаз остановился на узких брюках, облегающих бедра Кейшана. Профессору явно нравилось то, что он видел.

Студенты неловко переминались с ноги на ногу, изучая свои потрепанные кеды. Наконец Джамал резко поднял голову и, запинаясь, спросил:

– Сэр, вы помните Уолтера Бэйнса?

Кейшан, смущенный тем, как ученое светило раздевает его взглядом, добавил через секунду:

– Мы боимся, что у него проблемы.

Профессор нахмурил лоб. Медленно поднял с груди книгу, закрыл и отложил в сторону.

– Какого рода проблемы?

Джамал и Кейшан переглянулись. Вид у них был самый обеспокоенный.

– В общем, есть какой-то список... – начал Джамал.

– В интернете, – уточнил Кейшан.

И начал рассказывать, какие ходят слухи и что говорил им Уолтер.

– Есть один сайт такой, на нем можно вписать имена тех, кого считаешь угрозой обществу. Если никто тебя в этом не поддержит, имя будет стерто из списка через несколько часов. Если еще несколько человек проголосуют, имя останется подольше и может набрать еще голоса. Чем больше голосов получает кандидат, тем бо?льшая ему грозит опасность.

– Вроде как конкурс популярности, только наоборот! – ввернул Джамал.

Ввернул громче, чем рассчитывал. Воцарилось неловкое молчание. Вздыхало и потрескивало пламя в камине.

Наконец доктор Бролли рассмеялся – от души, снисходительно и не без ноток принятого шерри. Смеясь, он продемонстрировал все свои желтые от марихуаны зубы. За долгую карьеру ученый вольнодумец, скульптор мысли подрастающего поколения много раз сталкивался с подобной охотой на ведьм. Он плеснул себе шерри для успокоения нервов, сделал глоток и проговорил с печальной улыбкой, глядя на янтарную влагу в бокале:

– Да, дети мои. Какой-нибудь список есть всегда.

Джамал и Кейшан внимали ему затаив дыхание. Глаза их были широко раскрыты, души переполнял ужас.

Доктор сделал своим маленьким бокалом широкий жест.

– Присядьте, – распорядился он.

Юные слушатели уселись на ковер у его ног.

– Всегда есть список, – изрек доктор Бролли, глядя на них сверху вниз. – О, как человеческие создания любят списки! – Он снисходительно улыбнулся. – От десяти заповедей Моисеевых до черного списка Голливуда. От списка врагов Никсона до списка Шиндлера и списка бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». От списка послушных и непослушных деток в руках Санта-Клауса до списка праведников и грешников в руках Бога, отделяющего агнцев от козлищ...

Доктор Бролли перечислял и сравнивал характеристики списков с большой любовью к предмету. Он допил свой бокал, налил еще, снова выпил и снова налил.

– Наш обожаемый Билль о правах не что иное, как список! И девяносто пять тезисов Мартина Лютера, вывешенные на двери собора во время карнавала!

Не встретив в глазах юношей понимания, он взревел:

– Чем нюхать соли и покемонов ловить, лучше бы вы читали заданного вам Льюиса Хайда и Виктора Тернера! Тогда бы вы знали, о чем я говорю! О ритуальной смене власти!

Профессор явно сел на любимого конька. Джамал и Кейшан укрепили дух, готовясь прослушать долгую, нравоучительную лекцию.

Если вкратце, лекция состояла в следующем: практики ритуальной смены власти в той или иной форме существовали почти в каждом обществе и выполняли функцию поддержания статус-кво. Каждый год – а в некоторых случаях каждый сезон – наименее привилегированные слои на короткое время получали власть над теми, чье положение традиционно выше. В наши дни примером такой практики стал Хэллоуин – празднество на стыке лета и осени и, как принято думать, на границе земного мира и загробного. В ночь на тридцать первое октября дети (то есть лишенная власти демографическая группа) наряжаются не включенными в общество элементами (например, мертвецами, призраками, животными) либо персонажами, намеренно от общества отмежевавшимися

(например, бродягами или одинокими ковбоями). Мальчики переодеваются в девочек, девочки – в мальчиков, и все эти странные, чуждые создания получают дозволение свободно разгуливать по улицам, стучаться в двери и требовать дань с полноценных, облеченных властью и правами граждан. Отказавшись уплатить дань, хозяин рискует своей собственностью.

– Это вам не шутки, между прочим! – От возбуждения профессор брызгал слюной. – Прежде беднота резала автомобильные шины и поджигала дома! К двадцатым годам прошлого века это приобрело чудовищный размах, и страховым компаниям пришлось приложить массу усилий совместно с газетчиками и производителями сладостей, чтобы внедрить традицию откупаться конфетами! Вы только вообразите! – кричал он с горящими глазами. – Раз в год бедняки могли отплатить богатым за все обиды! Пойти и сжечь их дома! Даже рождественские колядки, чудесная традиция праздничных песнопений на порогах домов, прежде была кровавой забавой! Бедняки толпой собирались у богатых домов и пели, и пение было угрозой! Лишь щедрые подношения золотом и снедью могли убедить их оставить этот дом в покое и перейти к следующему! А цветы на похоронах?! Такой же ритуал! Местная беднота являлась в дом покойника и вручала скорбящим луговые цветы и ароматные травы в обмен на хлеб и монеты!

Собственная лекция приводила доктора Бролли в такой детский восторг, что он дрыгал ногами, расплескивая воду из тазика.

– Армейская жизнь изобилует практиками, когда на краткий период времени офицеры должны подчиняться рядовым! – провозгласил он и снова принялся сыпать примерами.

На атомных субмаринах есть традиция один раз за плавание устраивать так называемое «Кафе «От шефа». Офицеры украшают помещение столовой как пафосный ресторан, готовят изысканный ужин и лично сервируют его для остальных членов экипажа. В южных штатах в период рабовладения существовал ритуал сатурналий. На Рождество плантатор оделял рабов подарками и позволял им навестить родичей на близлежащих плантациях. Все рабы получали несколько дней свободы. Им полагалось столько яблочного бренди, сколько они могут выпить, и столько свинины, сколько могут съесть. Как писал Фредерик Дуглас, рабы объедались и кутили до дурноты. Мучаясь похмельем и страдая животом, они каждый год убеждались, что не созданы для жизни в изобилии, что воля их слишком слаба, что им необходима рука хозяина.

Проведя так несколько дней, они возвращались к прежней рабской жизни с облегчением.

Доктор Бролли прекрасно ориентировался в теме, примеров знал великое множество и под действием шерри был весьма словоохотлив.

– У амишей есть любопытная практика, она называется «румспринга». Слово это означает «скакать» или «бегать кругами». На пороге взрослой жизни подросткам общины дается разрешение вкусить плодов внешнего мира. Юные амиши могут на собственном опыте ощутить, что такое наркотики, секс, унылая жизнь на минимальную заработную плату. И, как и в случае с рабами во время сатурналий, итогом становятся жестокое похмелье и облегченное возвращение к простой и безыскусной жизни в общине.

Джамал поглядывал на часы. Кейшан боролся с желанием проверить сообщения на телефоне. Профессору было что рассказать, и он никуда не торопился. Он умолкал лишь для того, чтобы перевести дух. Рот его блестел от шерри, длинные седые патлы растрепались во все стороны, и видом он напоминал древнего колдуна. Еретика, горячо проповедующего свою ересь. Сверля пламенным взглядом небогатую свою аудиторию, он спросил:

– Знаете ли вы, почему наша страна – возможно, наимудрейший, наиуспешнейший человеческий эксперимент – не практикует ритуальную смену власти?

Не дождавшись ответа, доктор Бролли взревел:

– Карнавал! Фашинг!

И принялся объяснять, что последнее является немецким эквивалентом французского Марди Гра – завершающего дня празднеств перед началом изнурительного поста. В XVII веке в Баварии фашинг включал в себя ритуальную смену власти. Крестьянам дозволялось есть, пить, веселиться – а иногда и совокупляться – в церквях и соборах; в городах устраивались праздничные шествия, во время которых монахи и священники проезжали на телегах по главной улице и швыряли в толпу экскременты. Похабщина становилась священной, священное – похабным. Но все это лишь на короткое время.

Именно такой момент выбрал Мартин Лютер, чтобы вывесить на двери храма свои тезисы. Выступив с критикой католической церкви, он дал начало протестантизму.

– Вы ведь согласитесь, что Америка – государство протестантское? – уточнил доктор Бролли. – По-крайней мере, таковым оно основано. Протестантизм был создан в ходе ритуальной смены власти, и потому все протестантские религии таких ритуалов боятся. Его Святейшество папа римский продолжит омыwać и целовать ноги бедняков в Великий Четверг, но протестанты такую уязвимость себе позволить не могут. В этом фатальный изъян нашей великой страны. Не готова она ссудить самым бедным, слабым, бесправным хотя бы час ритуальной власти. Дать возможность насладиться хотя бы одним днем, данным в счет будущих лишений. Да, есть у нас выхолащенные подоби́я таких ритуалов, вроде Хэллоуина и рождественских колядок для детей, но для взрослых это ничто. Такой ерундой взрослого человека не измотаешь, не убедишь терпеть свою бедность еще год.

Выдержав почтительную паузу, Джамал попытался вернуть беседу в первоначальное русло:

– Ну а список-то? В интернете который?

– Он настоящий? – с отчаянием взмолился Кейшан.

Утомленный выпитым, доктор Бролли с досадой поцокал языком. Протянул бледную руку, нежно пригладил Кейшану буйные кудри.

– Как специалист по социальной антропологии я много раз слышал о существовании такого списка. Это городская легенда. Обыкновенная выдумка.

На лицах его юных гостей отразилось разочарование. Они пришли сюда спросить о своем товарище, узнать, не поможет ли им профессор. Увы, помочь он был не в силах. Или просто не хотел. Тупик.

Словно почувствовав их уныние, доктор Бролли поерзал в кресле. И то ли потакая им, то ли из кокетства спросил:

– А что происходит с теми, кто набрал слишком много голосов в этом вашем мифическом списке?

Разумеется, вопрос был задан исключительно с точки зрения социальной антропологии.

Опустив глаза, Кейшан придвинулся поближе к креслу. Встал на колени у ног ученого мужа. Вода в пластиковом тазике уже давно остыла. Кейшан взял с пола сложенное полотенце.

– Ну, примерно так... – проговорил он, бережно вынимая ногу профессора из чуть теплой воды.

Он обтер бледную ступню полотенцем, опустил на ковер, проделал то же самое с другой ногой, а затем по очереди поднес обе холодные сморщенные ступни к губам и поцеловал.

Доктор Эммет Бролли наблюдал за его действиями, отвесив бородатую челюсть. Он не знал, как реагировать.

Облобызав профессорские ноги, Кейшан без суеты вынул из-за пояса короткоствольный револьвер и засадил пулю прямо в разинутый профессорский рот. На выстрел никто не прибежал. В здании больше никого не было.

– Фальстарт, – произнес Джамал.

Бролли распластался в кресле под своей стеной почета, увешанной многочисленными дипломами, сертификатами, свидетельствами и грамотами. Глубокий кратер на месте его лица быстро заполнялся кровью. Кровь фонтаном брызгала из пробитой сонной артерии. Больше он никого не уморит скукой бесконечных лекций. Некоторое время его руки еще подрагивали, а потом кровь перестала литься с бороды. Профессор был мертв.

Кейшан убрал револьвер за пояс.

– Через несколько дней это уже будет неважно. – Он кивнул Джамалу на пафосный мавританский ножичек для бумаги. – Ну, сколько стоит?

Джамал пролистывал в телефоне список. С каждым днем список делался все длиннее, люди торопились внести кандидатуры перед закрытием. Наконец имя нашлось.

– Ты не поверишь...

Кейшан застыл.

– Ну?!

Джамал, сияя, поднял взгляд от экрана.

– Шестнадцать тысяч голосов!!!

Фактически у них теперь была собственная политическая партия. Кейшан ахнул, зажал рот обеими ладонями и шепотом заверещал в них от восторга. Джамал взял со стола мавританский ножичек.

– Слава Богу, Уолтер нам рассказал, – вздохнул он, срезая ухо.

Кейшан, покраснев, беспомощно развел руками и проговорил еле слышно:

– Бедный Уолт...

Джамал передал ему ухо со сверкающей в мочке бриллиантовой серьгой. Они с Кейшаном стукнулись кулаками над изуродованным трупом доктора Эммета Бролли. Прежде чем уйти, Кейшан снял со стены раму с опаленным флагом, реликвией каких-то давно забытых протестов. Подержал в руках с благоговением и повесил обратно, перевернув правильной стороной.

Джамал взял книгу Саула Алински, которую профессор читал перед смертью, полистал безразлично.

– Прошло время красивых слов, – сказал он и аккуратно возложил хрупкую бумагу в жадное пламя камина.

* * *

Пайпер охрип. В горле у него пересохло, и сил уже не осталось никаких.

Распустив прочих соискателей, комиссия заставила его читать бесконечные реплики. То, что начиналось как обычные кинопробы, превратилось в марафон – словно теперь его проверяли на выносливость. Клем – или Нэйлор, или кто бишь там вел кастинг – морщился и говорил: «Как-то пока неубедительно. Для этой роли требуется гораздо более сильный характер». Будто издевался. А карточки с текстом содержали такую бредятину, что Пайперу уже хотелось на все плюнуть.

Государство Арийское воюет с Гейсией. Государство Арийское всегда вело против Гейсии войну.

Стопка еще не прочитанных карточек была толщиной с телефонный справочник, какие ходили в прошлом веке. Ассистент поднимал их одну за другой, и Пайпер послушно читал.

Пожары, что пожирают наши города, разжигают верные старому режиму.

Мир желает получить общую теорию поля. Единую теорию, объясняющую все. Раз люди этого хотят – пусть получают.

Не то мера человека, что он делает ради денег, а то, как он проводит свободное время.

Торжественная военная процессия займет выкошенный Портленд!

Прелесть выдумки в том, что ей нужно лишь пахнуть правдой.

Это была полная ахиня. Чудовищная галиматья, высосанная из пальца какими-то борзописцами. Ни один канал на такое не позарится.

И все же Пайпер работал с полной отдачей. Узел галстука съехал, приоткрыв пуговицу на воротнике, пряди волос выбились из укладки и прилипли ко лбу. Но он не сдавался. Покрасневшие глаза слезились, но сдаться он был не готов. Пускай директор по кастингу – кто бишь там, Руфус, Колтон или Брэк – поднимает новую карточку.

* * *

Прежде этой книги была иная книга... прежде чем были вырыты ямы под братские могилы... прежде всего этого был просто Уолтер и его хитрый план обогащения.

Шагая по улицам Нью-Йорка, он открыл порнуху на телефоне. Не видео, так, картинки – чисто чтобы к яйцам прилило. Чтобы перестать думать головой, а начать головкой. Стоячий хер ничего не боится. Порнуха была для Уолтера все равно что шпинат для Морячка Попая. Что гнев для Халка. Под ее действием он мог бы смотреть на потолок Сикстинской капеллы и не найти там Бога за бесконечно вдувабельными жопками ангелов.

От порнухи Уолтер превращался в волчью стаю из одного волка. На телефоне он нагуглил вот такой список:

Тед Банди

Уэйн Уильямс

Дин Корлл

Ричард Рамирес

Анджело Буоно

Живи честно, будь добропорядочным, законопослушным членом общества – и общество забудет на тебя болт. Никто бровью не поведет, если Уолтер сдохнет с голоду или ненароком свалится под колеса грузовика. Или если его отправят в горячую точку и сунут там штык в зад. Будет он жить или сдохнет – всем плевать. Но если убить парочку таких же никому не нужных, общество тут же встанет на уши. Перевернет все на свете, лишь бы его найти. Сонмы налогоплательщиков будут до конца жизни финансировать ему из своего кармана жилье, жратву и чистую одежду. А если он вдруг жрать откажется, сунут ему в глотку трубку и будут накачивать едой через нее. Такого сервиса он не видал с тех пор, как покинул материнскую утробу.

А пока всего этого не случилось, Уолтер спокойно шагал по улицам Нью-Йорка. Хищник среди невинных овечек.

Из учебы он вынес одно: недалеко заводит учеба. Иначе учитель алгебры засекал бы на частном самолете и пил шампанское из тубы. Нет, учеба приводит всех и каждого плюс-минус к одному и тому же. Вкладывает в голову, что надо стать кем-то – юристом, бухгалтером, укротителем львов – и потом менять свои умения по кусочку на кусочки чужих умений. А Уолтер так не хотел. Он хотел быть не кем-то, а всем.

Но чтобы подняться над остальными, ему был нужен ментор. Какой-нибудь миллиардер, который взял бы его под свое миллиардерское крылышко и поделился с ним секретом, как заставить деньги размножаться быстрее кроликов. Поведал бы ему тайны инсайдерской торговли и нюансы товарных фьючерсов. За ручку ввел бы его в бесчувственный мир, где бизнес есть бизнес, а денежки копят на счетах в каких-нибудь уютных офшорах и растут, растут, растут...

Сегодня Уолтер сказал себе, что все сможет. Во-первых, он изучил матчасть. Он почитал финансовые разделы разных газет, выбирая из представленных там Джорджей Соросов и братьев Кох. Приценился ко всем инвестиционным воротилам и властителям хедж-фондов с громким именем. Полистал самый пафосный светский глянец, проштудировал список самых влиятельных персон по версии журнала «Форчун». Нашел себе короля Мидаса, который дергает за

невидимые ниточки и превращает солому в золото.

Он составил список того, во что когда-то верил:

Санта-Клаус

Бог католиков

Бог баптистов

Бог буддистов

Бог язычников

Сатана

Пасхальный заяц и Зубная фея

«Сиэтл Суперсоникс» и «Оклахома Аутлоз»

Гэри Харт, Уолтер Мондейл и Альберт Гор

Обрезание

Когда-то он верил в демократию и «Явное предначертание». В капитализм, в моральный релятивизм, в марксизм. После такого поверить можно вообще во что угодно. Пожалуй, веру в эти нелепые абстракции можно считать упражнением в умении верить.

Из всего, во что он верил, теперь осталась только Шаста. Единственная его религия. Погрузив два пальца в карман штанов, Уолтер подцепил ими розовый комочек, похожий на крошечную зефирку. Это была ушная затычка. Уолтер стащил ее на практическом занятии по предмету «Инструменты индустриального дизайна», когда Шаста выключила сверлильный пресс,

вытащила беруши и отошла позвонить. Теперь, шагая по нью-йоркской улице, он поднес шарик к носу и вдохнул. Закинулся сладостным ароматом ее мозгов и кожи.

Пусть его отец не какой-нибудь там тяжеловес финансового рынка и не завел на имя Уолтера кругленький трастовый фонд, Уолтер это исправит. Человек ведь может завести несколько детей, так почему бы не завести себе больше одного родителя? Если можно принять в семью неродного ребенка, отчего бы не принять неродного отца? Богатенького. Такого, чтобы вложил Уолтеру в плебейский рот пресловутую серебряную ложку. И вот Уолтер шагает по городу, пряча в кармане оружие, и готовится стать сыном какому-нибудь ничего не подозревающему Крезу.

Выбирает себе магната. Прямо как будто играет в фэнтези-футбол – только с собственной родословной.

Деньги – чистейшая суть всего окружающего, та форма, которую принимает все на свете для реинкарнации во что-то иное. Уолтер тоже принял свою чистую форму – стал изначальным Уолтером, каким он был до вливания в него чужих мнений, образования и осторожности. В эту форму он переходил с помощью порнухи.

Где-нибудь тут, на какой-нибудь Мэдисон-авеню он и найдет – новый папаша Уолтера с жестким лицом и математическим складом ума. Может, не богач в цилиндре с коробки игры «Монополия», но достаточно умудренный опытом. Если Уолтер способен подобрать бродячую собаку с улицы, он и с этим справится. Силовой захват. Силовой. Звучит неплохо. Если подумать, прямо комплимент. Уолтер повторял себе это, когда, как Марк Дэвид Чепмен, ехал в Нью-Йорк и снимал номер в отеле на кредитку, чтобы, как Марк Дэвид Чепмен, идти по улицам в надежде наткнуться на свою цель. На своего нового папашу, даже не подозревающего, что скоро у него будет взрослый сын.

С телефона он набрал в Гугле запрос: список запланированных жертв Чепмена.

Джонни Карсон

Марлон Брандо

Уолтер Кронкайт

Джордж Кэмпбелл Скотт

Жаклин Кеннеди Онассис

Джон Леннон

Элизабет Тейлор

У Уолтера был свой список из нескольких потенциальных отцов. С этим списком, с оттопыренными карманами плаща, с прочищенными порнухой мозгами он шнырял по улицам. Выбирать ему не приходилось, Уолтер был намерен брать того, кто подвернется первым. В его списке фондовых маклеров и воротил рынка недвижимости встречались и женщины, но пол будущего «отца» был Уолтеру неважен, лишь бы его научили хитростям производства денег из воздуха. Он шел по тротуару твердым шагом, он был в рейде по тем местам, где искомые финансисты могли пастись с наибольшей вероятностью. Перечень этих мест сопровождал его список вместе с фотографиями целей. Уолтер шел и думал о Шасте. О том, какое у нее будет лицо, когда она увидит его на пороге своей комнаты в общежитии. Он явится забирать ее в новую жизнь со всем пафосом – на личном самолете и с табуном породистых лошадей. И еще с Бейонсе – будет у Шасты подружкой не- весты.

Он набрал в Гугле запрос: убойный список Чарльза Мэнсона.

Стив Маккуин

Ричард Бертон

Том Джонс

Фрэнк Синатра

С катушкой скотча в кармане Уолтер прошел по Уолл-стрит. Поднялся по Лексингтон-авеню до универмага «Блумингдейлс». Он зорко смотрел по сторонам – хотя плохо представлял себе, что будет делать в случае внезапного обнаружения цели. Ловля миллиардеров в естественной среде обитания... Пожалуй, надо сесть будущему папке на хвост и топтать за ним квартал за кварталом до тех пор, пока не придется остановиться на светофоре где-нибудь на углу Пятьдесят седьмой улицы в ожидании зеленого сигнала. Вот тогда Уолтер бочком подрулит к этому Майклу Блумбергу и так, между прочим поинтересуется: «А вы, часом, не Уоррен Баффет?»

Кожа у избранного аристократа будет бледная и сухая, как древняя папиросная бумага. Старец окинет Уолтера презрительным взглядом, а Уолтер продолжит светским тоном: «Вероятно, вам будет небезынтересен тот факт, что я располагаю пистолетом «глок-пятнадцать». И продемонстрирует выпуклость в кармане плаща.

Вот это уже захватит внимание старика, вот тут его можно будет брать тепленьким. Что Уолтер и сделал – велел ему поймать такси, и они вместе влезли в салон. Уолтер назвал таксисту адрес в Куинсе – в паре кварталов от этой точки у него была припаркована прокатная машина. В такси они ехали молча. Выпуклость в кармане плаща упиралась в почку человеку, который должен был стать для Уолтера билетом в другую жизнь. Такую, какой можно радоваться каждый день, а не запихивать всю доступную радость в субботний вечер. Для поддержания боевого духа Уолтер пролистнул порносайты. У него была пачка жевательной резинки с гашишем, ею он любезно угостил попутчиков. Таксист растерянно взял жвачку, не понимая, что это такое. А вот этот Бернард Арно отказался. Уолтер сунул жвачку себе в рот и заверил:

– Я не сделаю вам ничего плохого.

– И для того чтобы не сделать мне ничего плохого, тебе необходим пистолет? – поинтересовался этот Амансио Ортега.

– Просто хочу одолжить ваши мозги на пару дней, – объяснил ему Уолтер.

За окнами с обеих сторон проплывало архитектурное величие Нью-Йорка, а этот Карл Альбрехт спросил:

– Ты разве не чувствуешь ворс на жвачке?

– Чего? – не понял Уолтер.

– Я говорю, ворс. Пух. Нитки. На жвачке, которой ты меня угостил с таким великодушием. – Он развел руками, воздел глаза и взмолился, адресуясь к крыше машины: – В моем-то возрасте, на исходе жизни как я могу верить малолетнему бандиту, который сует мне свои грошовые сласти, собравшие на себя всю грязь с подкладки кармана?!

Уолтер тут же почувствовал, что меж зубов у него застрял какой-то пух. Щеки у него вспыхнули от стыда, но выплюнуть жвачку означало бы подтвердить правоту старика.

– Да что вы понимаете, отличная жвачка! – огрызнулся он.

Следовало вытащить телефон и догнаться порнухой, но Уолтер не хотел, чтобы старикан был этому свидетелем.

Водитель выплюнул жвачку в окошко.

– Да ладно вам, она вкусная! – заявил Уолтер им обоим.

Потом они вылезли и пошли пешком по Куинсу до прокатной машины. Открыв багажник, Уолтер велел своему пленному Карлосу Слиму влезать внутрь.

– Одна неделька, не больше, – пообещал он.

Потом с телефона продемонстрировал фотки Шасты. Вот Шаста улыбается, вот Шаста спит, вот на него дуется.

– Мой мотив, – пояснил Уолтер старику.

Он заметил, что старик глядит на ручку, открывающую багажник изнутри, и подумал – пускай. Пусть надеется выпрыгнуть на первом же светофоре, лишь бы внутрь залез.

Пленный Ингвар Кампрад тяжело вздохнул.

– Мистер Террорист обещает продержать меня всего недельку... – бурчал он, влезая в багажник.

Скорчившись там рядом с запасным колесом, он стал совать Уолтеру свои наручные часы, телефон и бумажник. Уолтер отказался. Потом передумал и телефон взял – все-таки GPS стоило отключить.

– Вы меня неправильно поняли, – сказал он. – Не нужны мне ваши деньги. И никакой я не террорист.

Он с размаху захлопнул крышку багажника, запер его и наконец-то выплюнул долбаную жвачку. Выудил из кармана плаща трубочку на один затяг, вдохнул полной грудью и задержал дым в легких, размышляя. Бедная Элизабет Тейлор. Ее внесли аж в два списка. И еще ведь был роман про покушение на нее. У Джеймса Балларда, «Автокатастрофа» называется. Там ее лимузин планировали проткнуть седаном, который должен был вылететь сверху с эстакады – получилось бы вроде как символическое изнасилование. Может, такая прорва желающих ее убить является высшей мерой звездной славы?

Через закрытую крышку багажника Уолтер выразил сожаление по поводу происходящего, по поводу Холокоста и всего такого. Заверил, что ничего подобного не будет. Он парень толерантный, свой урок в школе усвоил хорошо. Когда-то в средних классах он сделал диораму о геноциде евреев в качестве домашнего проекта. Это был его ответ придуркам в интернете, отрицающим Холокост. Он построил печи из конструктора «Лего», над их трубами курился зловещий дым, пахнувший сандаловым деревом – пришлось использовать ароматические палочки, больше ничего подходящего в «Уолмарте» не нашлось. Игрушечный бульдозер сгребал голых кукол Барби в братскую могилу, торопясь скрыть трупы от наступающих войск союзников. Уолтер приложил массу усилий, – а в награду был отправлен к школьному психологу смотреть кино про то, как плохо быть бестактным упоротым болваном.

С тех пор Уолтер культивировал в себе внимательное отношение к религиозным убеждениям окружающих, изо всех сил стараясь не оскорбить ничьих чувств.

Убирая в недра плаща трубочку, он нащупал свернутое проволочное кольцо. Удавку.

По правде, не было у него никакого пистолета. Выпуклость в кармане, которой он пугал старика, содержала в себе внушительный пакет сорта «калифорнийский ультрафиолет». И еще катушку скотча, которым Уолтер забыл воспользоваться. Наклонившись к багажнику, Уолтер шепотом заверил:

– Короче, травить вас газом никто не будет.

И только потом догнался порнухой. Он еще ничего не знал. Не видел всей картины.

Похищение прошло так легко, так тихо, так безболезненно... следовало бы сразу почуять подвох. Чудовищный подвох.

– Каким еще газом? – ответили из багажника. – Какого черта меня травить? Я лютеранин, мистер Террорист.

И раскаты злорадного смеха донеслись из-под крышки.

* * *

Шестьдесят дней спустя список был заморожен. Имена с недостаточным количеством голосов были исключены. Награды за оставшихся – зафиксированы. Приняли меры для того, чтобы игроки не могли вычислить и внести в список друг друга. Когда настанет Ссудный день, список будет уничтожен.

* * *

Это Пайпера заставили повторить много раз. Каждый раз с одной и той же интонацией, будто он робот.

– Ссудный день настал, – послушно декламировал он.

Ссудный день настал. Ссудный день настал. Ссудный день настал.

Повторенные часто, слова утратили всякий смысл. Превратились в мантру, в барабанную дробь. Требовалось прилагать усилия, чтобы не смазать коварную двойную «с» в начале. Пайпер знал, что каждый дубль идеален, однако оператор за камерой раз за разом давал ему сигнал повторить.

В какой-то момент ему пришлось попросить воды. Ассистент порылся в заполненном льдом контейнере и сообщил, что у них только пиво. Съемка возобновилась.

– Ссудный день настал.

И так много раз.

– Списка не существует.

И так много раз.

– Первой жертвой войны становится Бог.

И так много раз.

– Тот, кто в двадцать пять лет способен встать лицом к реальности, в шестьдесят способен ее диктовать.

Директор по кастингу – Клем, Руфус или Нэйлор – сверился со своими записями, кивнул и поднял глаза на Пайпера.

– Отлично. Теперь нам надо все то же самое на испанском.

Хлопнуть дверью Пайпер не мог – была нужна работа. Наконец Клем пообещал, что свяжется с его агентом по поводу подписания контракта. Все члены комиссии по очереди пожали ему руку немытыми мозолистыми лапищами и

каждый пробурчал «спасибо». Оператор сунул ему большой плотный конверт и проводил до парковки. Как только Пайпер оказался в машине, вдали от посторонних глаз, он вскрыл конверт. Внутри лежала перевязанная бумажной лентой пачка стодолларовых купюр. Пайпер не знал, что это – взятка или предварительный гонорар. Все, что произошло с ним в этот день, было похоже на его представления о съемках порнографии. На бумажной ленте было напечатано: \$10000.

* * *

Чарли поместил резиновую прокладку в гидравлический пресс, сверху расположил стальной прижимный фланец, продел в отверстие болт. Нажал на педаль, и пресс зашипел, скрепляя детали. Чарли закрутил контргайку, как полагалось по техническим условиям, отпустил педаль, вынул из пресса готовый упор моста и бросил в сетчатую корзину, на которой значился номер изделия. Взял очередную прокладку, очередной фланец, очередной болт. Прежде работа была унылой и нудной, теперь же каждое повторение наполняло его радостью. Это был обратный отсчет к новому будущему, и впервые в своей взрослой жизни Чарли ждал будущего с нетерпением, как когда-то ребенком ждал Рождество.

Невозможное случилось. Гаррет Доусон сказал ему: «Эй, ты!» – и сделал Чарли знак подойти. Король цеха Гаррет Доусон.

Вот так одним коротким жестом жизнь Чарли была спасена.

Среди всех громогласных и наглых уродов, с которыми приходилось сосуществовать в цеху, этот человек выбрал его! Чарли был польщен. Как в Библии, он чувствовал себя миропомазанным. Ему явился ангел. Он ведь, по сути, не жил до того дня, когда Гаррет Доусон вызвал его на разговор после смены и сообщил, что Чарли не такой, как все. Что судьба его простирается куда дальше заводского цеха.

Никто и никогда – ни учитель, ни священник, ни тренер – прежде не говорил Чарли, что он сможет участвовать в управлении миром.

Двадцать семь лет, работа на сборочном конвейере, три выговора с занесением в личное дело. Если он еще раз опоздает к проходной, его ждут четвертый

выговор и увольнение. Со школьных лет Чарли привык довольствоваться малым. Он ничего не ожидал от окружающих, кроме элементарной вежливости. Он хотел, чтобы люди смотрели на него без страха. Не восторгались им, а просто его видели. Уважали достаточно, чтобы не спешить оскорблять и травить.

Теперь его выбрали и приняли в команду. Самую элитарную команду в истории. И если все получится, они станут главными законодателями новой нации. А нация, которой они будут управлять, станет править всем миром. Можно ли спокойно спать по ночам, когда впереди такое?

В тот день Гаррет Доусон показал на телефоне список. Объяснил Чарли, где в интернете этот список найти. Доусон увидел в Чарли способность к героизму, понял, что Чарли способен внести свой вклад в Ссудный день. Доусон объявил, что Чарли как раз из той породы мужчин, готовых за один день повернуть ход истории во благо общества.

Все это прозвучало от человека, который ни разу за семнадцать лет не опоздал на смену и в личном деле у которого не было ни одного выговора. Гаррет Доусон являл собой живое доказательство того, что тяжелый труд – занятие достойное. Доусон шел на риск, приглашая Чарли присоединиться, а ведь он человек семейный, ему было что терять.

Конечно, Чарли собирался оправдать оказанное доверие. Все-таки Доусон выбрал именно его из всех рабочих «Кей-Эл-Эм индастриз». Он наблюдал за Чарли издали, оценил его спокойную сдержанность. Он безошибочно почуял, что Чарли умеет хранить секреты и не станет молоть языком, подвергая опасности все предприятие. Он увидел в Чарли скрытую силу, неиспользуемый потенциал. То, чего не замечал никто, даже родной отец, Гаррет Доусон определил сразу.

Внимательно наблюдая, он пришел к выводу, что Чарли все сделает как надо: приобретет необходимое оружие, займется упражнениями в стрельбе по движущимся целям. Его помощь будет ценна и в сам Ссудный день и после, в многие последующие десятилетия, когда их группа станет правящим классом.

Не боясь показаться любителем астрологии, Доусон рассказал Чарли о периодах Сатурна в человеческой жизни. Объяснил, что как раз такой период начался у Чарли в двадцать семь и к тридцати одному году он сам себя не узнает. Доусон

говорил о физиологии мозга: что есть данные исследований, согласно которым последние крупные изменения в мозгу происходят в возрасте около тридцати одного года. Именно в это время образование человека и его опыт объединяются в нечто большее. Если человек переживает двадцатисемилетний рубеж – возраст смерти многих рок-звезд, – то у него есть хорошие шансы к тридцати одному году воплотить свои самые смелые амбиции.

По мнению Доусона, природа не наделила его аналитическим умищем, чтобы он мог всю жизнь писать хитрые программки. И он, и Чарли являются конечным продуктом тысячелетий тяжелого труда и мудрых решений. Доусон видел большую иронию в том, что вершина эволюции всех гениев прошлого, всех сильнейших дикарей древних племен вкалывает в таких вот цехах. Здесь, в «Кей-Эл-Эм индастриз», собрались те, кто способен выдержать самый жестокий удар судьбы – и при этом они до полусмерти боятся увольнения и молятся о том, чтобы провести еще сорок лет, нанизывая гайки на болты.

Славным предкам до лампочки, сколько деталей Чарли соберет в час, за смену, за пятьдесят лет. Они смотрят из загробного мира и ждут, когда Чарли проявит завещанную ему отвагу. Когда-то они отдали за него жизнь и предполагают, что Чарли так же отдаст жизнь за грядущие поколения.

В один ряд с великими предками Гаррет Доусон поставил тот клан, в который предлагал Чарли вступить. Он стал объяснять устройство будущей системы, и Чарли весь обратился в слух. Цепочка власти в каждом клане идет от основателя – одного из семерых членов Совета Племен. Именно эти семеро основали Список. Именно они призвали первых бойцов, выбирая самых надежных, способных, твердых духом. Каждый из этих бойцов выбрал и призвал еще одного товарища. Так формировались кланы. От одного человека можно легко отследить весь клан до основателя, и если один боец подведет, грядет поражение всего клана. И наоборот, успех каждого становится общим успехом.

К этому моменту сеть избранных уже была сформирована. Они, простые люди, продолжали жить в своих трудах. Обычные люди – тихие, ничем не привлекающие внимания. Они растили детей, платили налоги, держались с достоинством и всегда помнили о том, что скоро у них будет возможность устранить изъяны общества.

А волновался теперь Чарли о следующем шаге. Он хотел пригласить своего шурина. Сделать его частью клана. На всяком семейном сборище они с шурином

дружно усаживались перед телевизором. Сгорбившись, утыкались в экран и молчали. Молчали всегда, чтобы не провоцировать конфликтов. Любой большой семейный обед – на Рождество ли, на День ли благодарения – неизменно превращался в галдеж. Словоохотливые родичи, как попугаи, без конца повторяли общественно одобряемые мнения о происходящем в мире, и пытаться возражать им означало бы изговнять всем праздник. Вот Чарли с шурином и не ввязывались. Сидели тихо, не отсвечивали. Набивали рот индейкой или пасхальной ветчиной и делали вид, что это не их жизнь проходит мимо.

Чарли знал наверняка, что в Ссудный день шурин будет очень полезен. Только не проболтался бы. Если узнает сестра – все пропало, она уж точно всем раззвонит. К тому же она была как раз из тех попугаев, которые превыше всего ценят стабильность и готовы до самой смерти гоняться за пятерками от учителей, тоже всю жизнь гонявшихся за пятерками.

Ее длинный язык может погубить всех. Пойдут слухи, хуже того – по уставу нарушивший тайну должен быть уничтожен вместе с тем, кто его пригласил. А это значит, что и Чарли, и сестру, и ее мужа уберут еще до Ссудного дня и не останется после них ни династии, ни наследия, и все их родичи будут исключены из сферы власти. А Гаррет Доусон, бедный Гаррет Доусон со стыда провалится за то, что остановил свой выбор на таком недоумке и предателе. Доусон, который поставил на кон собственную жизнь, предположив, что Чарли достоин доверия и справится с назначенной ему ролью в великолепном новом будущем. И вот из-за Чарли его клан будет отброшен на шаг назад, пока другие продолжают множить свои ряды.

С некоторыми кланами такое уже случалось. Кто-то донес, двоих пришлось убрать, тот, кто был в цепочке над ними, выбрал еще раз, и клан пошел множиться дальше. Но те кланы, что развивались без таких спотыканий, насчитывали уже многие сотни. Они-то и выбьют больше всего целей.

Ради блага клана Чарли был обязан выполнить свой долг. Пройти первое испытание. Гаррет Доусон прямо сейчас наблюдал за ним из дальнего угла цеха. Чарли поместил резиновую прокладку в пресс. Положил фланец, продел болт. Нажал на педаль, скрепил детали.

Жизнь в замке не делает человека королем. Полеты на частном самолете не делают его астронавтом. Похвальба мускулами не доказательство силы, как трофейная жена не доказательство триумфа. Всю жизнь Чарли мечтал об

атрибутах власти, не понимая, что властью является лишь власть. Храбростью может считаться лишь храбрость. Только реальные действия идут в зачет. Так говорится в книге. Книгу Гаррет Доусон ему тоже вручил. Вместе с обязанностью выбрать следующее звено клана.

Другие кланы преумножались день ото дня, час от часа, а Чарли все медлил. Застыл в нерешительности. Если он выберет ненадежного человека, то подпишет себе смертный приговор. Если не сделает выбор, то подорвет силы клана, подведет людей, которые на него положились. А самое ужасное – если ему не по силам этот риск, много ли толку от него будет в Ссудный день?

* * *

Иссиня-черная обложка бросалась в глаза, как бритая голова. Книга была большая, в карман не спрячешь. Золотые буквы заголовка служили знаком отличия для тех, кто открыто нес ее по улице, кто читал ее в транспорте. Знак героев. Чтение стало актом мятежа, совершаемым у всех на виду – но понятным лишь другим мятежникам с такой же книгой.

К примеру, если полицейский тормозил кого-то за превышение скорости и замечал на пассажирском сиденье книгу, дело обходилось без штрафа. Если женщина видела в руках мужчины книгу и начинала расспрашивать, а мужчина уходил от ответа, он немедленно становился для нее более привлекательным.

Как объяснял доктор Бролли, у всякого «молодежного бугра» есть свой текст. Книга, которая оправдывает действия. У конкистадоров была Библия. У бойцов Мао – книга его изречений. У нацистов – «Майн кампф». У американских радикалов – Саул Алинский.

Учителя и родители были в восторге, что пацаны в кои-то веки что-то читают.

Пацаны и молодые мужчины, которые в жизни по доброй воле не домучили ни одной книги до конца, часами глотали страницу за страницей.

Книгу получали только мужчины, приглашенные в тот или иной клан, и обсуждать ее могли только между собой. И они обсуждали – до тех пор, пока книга не была заучена наизусть.

Читать ее на людях было действием политическим. Неприкрытым нахальством. Сигналом для посвященных. Демонстрацией статуса. Идейным заявлением для единомышленников.

Книги Толботта Рейнольдса не было ни в одной библиотеке. Не продавали ее ни в одном магазине.

Она сразу бросалась в глаза. Держатель ее становился героем в глазах тех, кто о ней знал. Ее специально носили при себе, чтобы привлечь внимание своих. Чтобы показать друг другу, как многочисленны их ряды, и укрепить решимость. Книга в руках была свидетельством, что владелец ее избран храбрейшими из храбрейших и принят ими как равный. Ее носили с собой всегда и везде, как солдаты несут знамя в битву.

Как и все самые важные книги человечества, эта книга имела смысл только для тех, кто уверовал. Как и в случае с Кораном, Книгой Мормона или Манифестом коммунистической партии, прочитавшая текст случайная особа ничего бы в нем не поняла и, махнув рукой, с досадой отложила бы.

Случайные люди не могли дочитать книгу до конца, adeпты же бесконечно перечитывали, всякий раз обретая в ней новые и новые озарения.

Носители книги устали быть потребителями и поглощать блага. Они желали, чтобы их самих поглотило нечто большее. Не они выбрали себе призвание, но призвание выбрало их. И призыв этот получился куда многочисленней, чем объявленный правительством.

* * *

Мать в конце концов поймала Терренса – вошла, когда он читал. Он читал иссиня-черную книгу с тех пор, как в очередной раз лежал в больнице. Эту книгу ему передал отец – через сердобольную медсестру, которая согласилась ни слова не говорить матери. Сам отец к нему не зашел, зато написал на обложке своей рукой: «Сыну. Очень скоро мир станет другим. Будь сильным». И еще в книге некоторые строки были подчеркнуты карандашом.

Терренс понимал, что от матери книгу надо прятать. Заныкал ее в вещах и увез домой, когда выписался. Врачи снова ничего у него не нашли – ничего такого, что могло бы объяснить его приступы. На всякий случай они просто в очередной раз увеличили дозировку сертралина, преднизона, бета-адреноблокаторов и коллоидного серебра.

Неизвестно, зачем отец передал ему книгу, но она стала для Терренса все равно что Библией. Он начинал читать на рассвете сразу после пробуждения – в единственное время, когда он был в состоянии воспринимать текст. После утреннего приема таблеток разум затуманивался, и Терренс не мог удержать в голове даже сюжет мультиков по телевизору.

Сегодня, к примеру, он прочел:

Счастливое прошлое делает людей калеками. Они цепляются за воспоминания, потому что им некуда больше идти. Им не к чему стремиться.

Как ни шерстил Терренс память, от отца в ней остался лишь запах бриолина. Напоминающий ланолиновую мазь и чернильные ленты для старых пишущих машинок. И еще то, как отец проводил гребенкой по его голове, делая пробор. На воскресную проповедь они с ним всегда шли с одинаковой прической. А вот лица Терренс вспомнить так и не смог. Больше вообще ничего – только запах бриолина и гребенка, ведущая черту по коже головы.

Прямо как этот карандаш. Как плуг. Терренсу нравилось представлять, как отец подчеркивал для него слова в книге – длинными уверенными росчерками. Внимательно и вдумчиво выбирал он самое важное для своего сына. В каждом абзаце скрывалось откровение. И на полях тут и там было выведено тем же убористым почерком, что и надпись на первой странице: «Сказать Терри». С полей книги на Терренса глядело доказательство того, что отец о нем заботится.

Следующий подчеркнутый абзац гласил:

Никто не заинтересован в том, чтобы вы раскрыли свой истинный потенциал. Слабые не хотят находиться в обществе сильных. Инертные не переносят тех, кто готов развиваться.

Терренс шептал эти слова себе под нос, заучивая их наизусть.

Боль и недуги всегда будут вашими спутниками. Выбирайте их сами – будь то боль от физического труда или болезнь от перенапряжения. Рассчитывайте свою боль. Наслаждайтесь ею. Используйте ее, чтобы она не могла использовать вас.

Дальнейшее случилось неожиданно. Возможно, он забыл запереть дверь. А может, мать тайком воспользовалась ключом, пока Терренс был поглощен книгой. В общем, дверь распахнулась, и она возникла на пороге, держа в руках поднос с завтраком – идеально сваренным яйцом пашот, тостом из цельнозернового хлеба и половинкой грейпфрута. При виде книги глаза матери вспыхнули, но лишь на мгновение. С нарочито спокойным видом она спросила:

– А что ты читаешь?

На книгу мать смотрела с враждебной подозрительностью. Конечно же, она знала, что это. Книгу Толботта обсуждали на всех телеканалах и по всему интернету. И как все мистические тексты – от «Селестинских пророчеств» до «Чайки Джонатана Ливингстона», – она не оставляла к себе равнодушных. Ее либо превозносили, либо ненавидели. Мать Терренса принадлежала ко второму лагерю. Наклоняясь, чтобы поставить поднос на прикроватный столик, она заглядывала Терренсу через плечо.

Не дождавшись ответа, она выжала из себя улыбку.

– Я купила тебе розовый грейпфрут!

В первых лучах рассвета Терренс читал про себя:

Слабые хотят, чтобы вы отказались от своей судьбы – как они ушли от своей.

Наверняка она узнала, откуда у него появилась эта книга и кто ему ее передал. Много лет она не подпускала к нему отца, говоря всем, и Терренсу, и медсестрам, что отец его – узколобый расист и шовинист, которого хлебом не корми – дай устроить травлю какого-нибудь трансгендера или залезть пьяненькой студентке под юбку. С тех пор как у Терренса начались загадочные припадки, мать взяла всю заботу о нем на себя – и стала единственным человеком, с которым Терренс имел возможность общаться.

Она сделала ему знак подвинуться и присела на край кровати, через одеяло привалившись бедром к его бедру. Потянулась якобы взбить ему подушку и под это дело сунула нос в книгу.

У всякого должен быть выбор – умереть или бороться.

Мать прочитала это вслух и презрительно скривила рот.

– Мусор! – объявила она.

Ее брезгливый тон уже был насилием. Но она еще и за книгу рукой схватилась и потянула к себе.

– Дай сюда эту дрянь и поешь нормально.

Терренс вцепился в книгу, не поднимая глаз от страницы.

– Что ты там прячешь? – Мать потянула книгу сильнее. – Ты что, боишься, я ее сожгу?!

Видя, что Терренс держит книгу мертвой хваткой, мать сменила тактику: разжала пальцы и выпрямилась. Она оценивающим взглядом смотрела на него, простыни, книгу. Лицо у нее при этом ничего не выражало. Настоящая маска

коварства.

– Что-то у тебя глаза блестят, – вдруг проговорила она и приложила прохладную ладонь к его лбу. – И горячий какой-то. – Она погладила его по щекам, пригладила на висках волосы. – У тебя ведь сейчас будет припадок, да?

Так все каждый раз и начиналось. Мать гладила его по лицу, ворковала, заглядывала в глаза и сообщала, что он какой-то бледный, что у него испарина. Она мурлыкала ему, как младенцу: «Бедный мой малыш... Слабенький мой, ранимый мальчик...» И действительно, по лицу Терренса начинал катиться пот, все плыло перед глазами. Мать подсказывала: «В ушах, наверное, звенит» – и уши послушно принимались звенеть. А дальше она призывала на его голову мигрень и озноб, и все это немедленно сбывалось, как проклятие.

В этот раз, нежно лаская пальцами волосы сына, она хотела, чтобы с ним случился припадок – очередной приступ судорог и спазмов, из-за которого его снова упекут на больничную койку. Но Терренс не отрывал взгляд от страницы. Он читал:

Чернокожий бандит участвует в групповых нападениях, гомосексуал позволяет себе беспорядочные половые связи – поскольку и то, и другое является демонстрацией политической идентичности. Уберите внешнего наблюдателя, и стимул к подобным действиям пропадет.

Мать попыталась его спровоцировать.

– А ты знаешь, как разумные люди называют эту книгу? – спросила она с издевкой, а когда он не повелся, выпалила: – Новой версией «Майн кампф»!

Терренс чувствовал, что угроза припадка миновала. Он вышел из оцепенения, дыхание стало глубоким и ровным, сердце больше не колотилось. Видя, что ее маневры не возымели обычного эффекта, мать снова отстранилась и спросила:

– Чего набычился? Тебе стыдно?

Терренс не ответил.

– У тебя что, снова было непроизвольное мочеиспускание? – Она принялась шарить по постели. – Ну-ка, показывай катетер!

Терренс уворачивался в попытках защититься. Прижимая книгу к груди, он яростно взвыл:

– Мама! Мне девятнадцать лет! Устал я от этого катетера!

Она откопала под одеялом мочеприемник – прозрачный пластиковый пакет, полный и тяжелый – и потрясла этой хлюпающей жутью у Терренса перед носом.

– Мы сможем избавиться от катетера, если кое-кто перестанет писаться в постель!

Терренс знал, что это отговорка. На самом деле мать много лет измеряла и записывала все, что выходило из его мочевого пузыря и кишечника. С какой целью, Терренс не задумывался – до тех пор, пока не начал читать книгу Толботта.

Мать выпустила из рук увесистый пакет и резко схватила книгу.

– Дай сюда! – прорычала она.

Терренс держал мертвой хваткой, однако матери удалось подцепить книгу за корешок, и тащила она очень сильно: сползла с кровати, крепко уперлась в пол обеими ногами, присогнула колени и тянула на себя всем весом. Книгу она держала одной рукой, а другой, свободной, пыталась что-то достать. Что именно, Терренсу не было видно из-за края постели, но мать сосредоточила на этом основные усилия.

– Папаша твой, – шипела она, – знать не знает, какой ты больной и слабый!

Взгляд Терренса упал на раскрытую страницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/chak-palanik/ssudnyy-den>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)